

В час испытаний
нужно быть
сильным

Чингиз
Абдуллаев

Время
идолов

Дронго

Чингиз Абдуллаев

Бремя идиолов

«PEN-клуб»

1998

Абдуллаев Ч. А.

Бремя идолов / Ч. А. Абдуллаев — «PEN-клуб»,
1998 — (Дронго)

Вся беда в том, что его всегда недооценивали. И когда он ликвидировал Француза, и когда убирал Резо – этих и других главарей мафиозных синдикатов. Его ждали внизу, а он убегал вверх. Его ловили далеко от места преступления, а он оказывался рядом с очередным трупом. И никто не мог заподозрить, что вот этот невзрачный, бедно одетый инвалид и есть суперкиллер, суперпрофессионал. И у него всегда с собой такое прекрасное алиби...

© Абдуллаев Ч. А., 1998

© PEN-клуб, 1998

Содержание

ДЕНЬ ПЕРВЫЙ	5
ГЛАВА 1	5
ГЛАВА 2	10
ГЛАВА 3	15
ГЛАВА 4	20
ГЛАВА 5	24
ГЛАВА 6	29
ГЛАВА 7	34
ГЛАВА 8	39
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Чингиз Абдуллаев

Бремя идолов

ДЕНЬ ПЕРВЫЙ

ГЛАВА 1

Утром, выскакивая из дома, чтобы не опоздать на работу, нужно не забыть кучу разных вещей, которые необходимы для работы. А она частенько забывала то поменять кассету, то проверить исправность магнитофона, вечно заедающего в самое неподходящее время. Либо, что было совсем уж плохо, оказывалось, что забыла ручку, тогда приходилось вымаливать ручку или карандаш у своих коллег, что, конечно, было не очень солидно.

Но самое главное, она успевала одеться и подкраситься, чтобы не выглядеть халдой перед людьми. Римма Кривцова была парламентским корреспондентом газеты «Новое время» и, несмотря на свои двадцать шесть лет, не подвела тех, кто рекомендовал ее именно на эту работу. Говоря откровенно, ей повезло. Работавший до нее журналист попал в больницу с открытой язвой. Начальник отдела был в отпуске, и главный редактор принял решение назначить именно ее на освободившееся место, выдав аккредитацию при пресс-центре Государственной Думы.

Невысокого роста, но крепкая и ладно скроенная, с курносом носиком, придававшим лицу не очень серьезное выражение, она носила очки в массивной оправе, которые добавляли ее внешности респектабельности. Коротко стриженные волосы позволяли ей недолго возиться с прической, за исключением тех редких случаев, когда она сознательно колдовала над своей головой, пытаясь придумать что-нибудь экстравагантное. Она любила носить мягкие мужские брюки и длинные кофты, но, после того как получила аккредитацию при парламентском пресс-центре, перешла на юбки, предпочитая макси, которые, увы, скрывали ее в общем-то стройные и красивые ноги. Но чего не сделаешь ради солидности.

Римма закончила факультет журналистики Московского университета, и это обеспечило ей широкий круг знакомств, многие мэтры журналистики были либо ее преподавателями, либо знакомыми ее преподавателей. В условиях, когда в Москве во множестве плодились, возникая чуть ли не ежедневно, всяческие печатные издания, а хлынувшие в столицу провинциалы пытались пробиться наверх всеми возможными способами, элитное образование и крепкие связи многое значили.

Отец Риммы был кадровым дипломатом и работал в одной из южноамериканских стран. Разумеется, он уехал туда со своей женой, матерью Риммы, а дочь осталась в большой квартире на попечении бабушки, впрочем, непонятно было, кто за кем присматривает – Римма за бабушкой или бабушка за ней. Когда звонил отец, бабушка на правах контролерши успокаивала родителей, что девочка работает с утра до вечера и никакие посторонние мужчины в доме не появляются. Но на самом деле Римма иногда приводила своих знакомых, а некоторым даже разрешала оставаться на ночь, при условии не очень шуметь и не будить бабушку. Кавалеры старались не шуметь, насколько им это удавалось, но бабушка все равно знала или догадывалась о каждом ночном визите, а утром делала вид, что ничего не слышала, за что Римма любила ее еще больше.

Единственным неудобством в ее жизни было то, что Римма так и не научилась водить машину, и отцовская «Волга» бесцельно пылилась в гараже. Несколько раз Римма заставляла себя начать осваивать трудную науку вождения, уприсив кого-то из знакомых позволить ей

сесть за руль их автомобиля, но все попытки едва не кончались аварией, а однажды таковая произошла, она так и врезалась в неожиданно появившийся на загородном шоссе автобус. После этого Римма навсегда зареклась садиться за руль, и ей приходилось пользоваться общественным транспортом, благо станция метро была напротив их дома.

Она работала всего второй месяц и успела сделать лишь несколько коротких репортажей. Думские парламентарии оказались большей частью суровыми, малоразговорчивыми людьми, и она часто натывалась на грубые отказы, когда просила об очередном интервью. Собственно, ничего другого она и не ожидала, судя по рассказам коллег, но тем не менее, отправляясь на очередные заседания, она все-таки еще надеялась передать в свою газету самый лучший репортаж. Но дни шли за днями, а ее рутинная работа ничем особенным не выделялась.

В этот день Римма спешила на заседание комитета, посвященное аграрному вопросу. Заседание обещало быть нудным, ничем не примечательным, но главный настоял, чтобы она приняла участие в работе комитета и сделала, как он подчеркнул, *хороший* репортаж. Именно поэтому ей пришлось так рано подняться и спешить к станции метро, чтобы успеть к началу заседания.

Но по дороге выяснилось, что она забыла свой пропуск. Пришлось возвращаться обратно, пугать бабушку долгими звонками в дверь, искать этот чертов пропуск, а потом, вконец отчаявшись, она вспомнила, что он лежит в другой сумке. Теперь уж ей пришлось хватать машину, чтобы если и опоздать, то на чуть-чуть.

Пока сотрудники охраны и офицеры милиции проверяли ее документы, обнюхивали ее сумку и перетряхивали все ее содержимое, прошло еще несколько драгоценных минут, и она, обреченно глядя на часы, уже сознавала, что опаздывает. Именно поэтому Римма вбежала по лестнице уже не помня себя от волнения и даже не услышала, как ей крикнули в спину, что заседание комитета перенесено.

Девушка бежала по коридору, все еще надеясь на чудо. Рванула дверь знакомого кабинета, в кабинете было пусто. Она удивленно оглядела небольшую комнату, посмотрела на часы, прошла к столу и, опустившись на стул, тяжело вздохнула. Либо она окончательно опоздала, перепутав время и число, либо заседание комитета, на счастье, перенесли и она сможет в таком случае реабилитироваться перед главным. И именно в это мгновение у нее упал пропуск, который она собиралась положить в сумочку. Наклонившись, чтобы поднять его, она неловко подцепила его пальцами, и злосчастная карточка, выскользнув из рук, полетела еще дальше. Чертыхнувшись, она опустилась на колени и полезла за документом под ряд столов. В тот момент, когда она уже достала свой драгоценный пропуск и собиралась выбираться в проход, дверь в кабинет открылась, и она услышала, как в комнату вошли двое. Вернее, она увидела их обувь. У одного были дорогие темные туфли на толстой подошве. У другого – рыжие туфли не первой молодости, так как были уже изрядно стертые по бокам. Вошедший первым – обладатель темных роскошных туфель – замер, очевидно, оглядываясь по сторонам, затем он обернулся к своему собеседнику со словами:

– Что у вас? Говорите, здесь, кажется, никого нет.

Его собеседник нетерпеливо переминался с ноги на ногу, словно не мог устоять на месте.

– Все в порядке, – наконец услышала она ответ, – подобрали команду. Целый год с ними нянчились.

– Откуда набирали?

– Из Подмосковья. Всякая шантрапа, неблагополучные дети. Я все лично проверял, как вы говорили. Ни одного человека из нормальной семьи. У всех либо пьют родители, либо кто-то сидит в тюрьме. Двенадцать человек, больше чем футбольная команда.

Римма сообразила, что речь идет, конечно, не о спорте, и, достав свой магнитофон, включила его, даже не обращая внимания на предыдущую запись интервью с одним из думских деятелей, которую она сейчас сотрет.

- Почему так много?
- Ненужных отбраковали. Все молодые, злые, голодные. Все как полагается. Кошкин отобрал пять человек.
- Как именно вы их собрали? – спросил владелец черных башмаков.
- Сказали, что организуем нечто вроде клуба. Немного заплатили, вроде бы за членство в клубе. Они и потянулись. С ними работали два наших инструктора. В вашем клубе мы их и готовим. Пока все нормально.
- Чтобы не перестарались. Не нужно им ничего объяснять. Чем глупее, менее осведомленными они будут, тем лучше.
- Так и сделаем. Вы не беспокойтесь, все в порядке, они ни о чем не догадываются. Мы им еще Кошкина дали, пусть покажет себя, ребятам будет интересно. Он ведь профессионал. В общем, все, как вы говорили. Да и атрибутику нужную он даст. Все как положено.
- Кошкин все знает?
- Только он один. Кроме него, никто и ничего. Остальные будут уверены, что это справедливая месть.
- Хорошо. Ребята крепкие?
- Крепкие. И в драке злые, некоторых проверяли. Против настоящих мужиков тоже потянут. Кошкин их натаскал... И все наши – ни одного инородца, как вы и говорили. Мы сами всех проверяли. Да и Кошкин не взял бы их. После того как ему ступню оторвало, он их ненавидит.
- Ты лично отвечаешь за всех. Учти, никто не должен знать, зачем мы их готовим. Ни единый человек. И отзови своих инструкторов. Пусть Кошкин им мозги забивает. Отошли своих людей куда-нибудь подальше, хоть в зарубежную командировку пошли, чтоб месяца два не появлялись и никому глаза не мозолили. Хотя нет, одного оставь. Кто там у тебя понадежнее?
- Бондаренко, конечно. Он в паре с Юрловым работает, с вашим вторым водителем.
- Ну оставь его. Для связи с твоими подонками. И пусть Кошкин их опекает два дня, никуда не отпуская. Сам знаешь – такая сволочь всегда в цене. Как с оружием?
- Готовим. Отбираем каждый автомат, каждый пистолет. Все со спиленными номерами или со складов Московского округа.
- Это самое важное. Если узнаю, что покупали на рынке или забыли спилить какой-нибудь номер, башку оторву. Без лишних слов.
- Римма, старавшаяся не дышать, чуть приподняла голову и ударилась.
- Кто здесь? – громко спросил хозяин дорогой обуви. При этом голос у него предательски дрогнул.
- Нет здесь никого. Это какой-то стук сверху, – успокоил его обладатель рыжих туфель, – комната маленькая, здесь не спрячешься.
- Посмотри-ка с другой стороны, – предложил «начальник». И второй повернулся и пошел в ее сторону. Римма протянула руку, убирая сумочку со стула. Мужчина медленно подходил к ней.
- Я же сказал, что здесь никого нет, – удовлетворенно сказал он, подходя еще ближе.
- Римма от ужаса закрыла глаза. Неужели он пойдет дальше? И в этот момент дверь снова открылась.
- Идите быстрее, – раздался незнакомый женский голос, – вас уже спрашивали.
- Не забудь о том, что я говорил, – сказал тот, который с начальственным голосом, поворачиваясь к выходу. Он вышел из комнаты, прикрыв за собой дверь. А его компаньон замер, а потом приподнялся на носках и, передразнивая ушедшего, пробормотал:
- «Не забудь о том, что я говорил», умник нашелся, а сами ничего без меня не сделают.
- Он не стал проверять комнату и тоже направился к выходу. Он уже был у самого порога, когда Римма, в нос которой попала пыль с нижней поверхности столешницы, вдруг почувство-

вала непреодолимое желание чихнуть. Она сдерживалась, когда незнакомец стоял рядом, но едва он подошел к двери, как щекотка в носу стала непереносимой. Желтые ботинки уже выходили из комнаты, когда она, все же не удержавшись, громко чихнула. Мужчина замер. Римма от ужаса зажмурилась. Он не мог не услышать ее громогласного чихания. Вернувшись в комнату, он пошел на звук, не скрывая своего твердого намерения выяснить, кто же прячется под столом. Римма убрала магнитофон в сумочку и проворно полезла в другую сторону. Незнакомец услышал шум. Теперь ошибиться было невозможно. Он бросился к ней, а она, выскочив из-под стола и схватив под мышку свою сумочку, стремглав побежала к дверям.

– Стой! – гневно заорал он. – Стой, дрянь! Стой... – он выкрикнул нецензурное ругательство, но Римма была уже у самой двери. Обернувшись, она успела рассмотреть его багровое лицо. Всклобоченные редкие волосы, вытянутый череп, белые от бешенства глаза, крупный, чуть свернутый в сторону нос, пухлые губы. Она запомнила это лицо. Но самым неприятным было то, что и он, очевидно, запомнил ее.

Ловец перескочил через стол и неся на жертву, но она уже бежала по направлению к сотрудникам милиции.

– Задержите его! – крикнула она. – Задержите этого человека!

Офицеры милиции недоуменно смотрели на бегущую к ним молодую женщину, не понимая, чего именно она хочет.

– Задержите, – тяжело дыша, бормотала она.

– Кого задержать, – недоуменно спросил один из офицеров, – почему вы кричите? Покажите ваши документы.

– Я специальный корреспондент газеты «Новое время», – сказала она, задыхаясь и доставая пропуск. – Вот мои документы. А этого человека нужно задержать.

– Кого? – спросил офицер, все еще не понимая, чего от него хотят.

Римма растерянно оглянулась. Удивительно, но ее никто не преследовал. Странно, подумала она: почему никого нет? Неужели толстогубый не побежал за ней? Но куда он в таком случае делся? Она снова оглянулась.

– У него были рыжие туфли, – несмело сказала она, – я запомнила его рыжие туфли. И свернутый набок нос между пухлых щек.

– Ну и что? – спросил офицер. – При чем тут его туфли? Или вы считаете, что в такой обуви нельзя здесь появляться? Идите-ка, дамочка, не мешайте нам работать.

Она отошла от сотрудников милиции, недоумевая, куда делся преследовавший ее человек. Снова огляделась по сторонам – никого. Странно, почему же он не стал ее преследовать? Нужно срочно передать сообщение в газету. Она вдруг вспомнила про магнитофон. Нельзя носить его с собой, вдруг испугалась Римма. Его могут отнять на выходе, если это были влиятельные люди. Ее могут даже арестовать за то, что она подслушала разговор двух важных чиновников. Или депутатов. Впрочем, что определишь по обуви и голосам? Заметив в коридоре знакомого корреспондента, она бросилась к нему. Это был сотрудник «Коммерц-журнала».

– Вадим, дорогой, выручай, – молила она коллегу.

Тот удивленно обернулся:

– Что случилось, Римма?

– Возьми мой магнитофон, – сунула она ему в руки магнитофон, – пусть будет у тебя. Я его завтра заберу.

– Вечно у тебя какие-то истории, – пробормотал Вадим, – ладно, давай свой магнитофон. До завтра оставлю у себя.

Вадиму было тридцать пять. Высокого роста, с неопрятной, всегда какой-то нечесаной бородкой и лохматыми кудрями, которые не брала ни одна расческа. Он был единственным представителем респектабельного «Коммерц-журнала», которому позволялось ходить в таком

виде, – талант. Редактор раз в полгода грозился отправить Кокшенова в баню или хотя бы в парикмахерскую, но все пока ограничивалось угрозами. Правда, Вадим умел с одинаковой ловкостью носить темные костюмы-тройки и джинсы – помогала хорошая фигура. Когда Вадим отошел, она облегченно вздохнула. Теперь не осталось никаких улик. Интересно, кто и зачем готовит этих непонятных боевиков? Для какой цели? Они, кажется, сказали, что «такая сволочь» может им понадобиться. Но что они имели в виду?

Если Рыжие Туфли успел ее разглядеть, то это очень плохо. Она машинально пошла к выходу. Срочно бы поехать в редакцию и все рассказать главному. Он, конечно, поймет, что к чему в этом странном разговоре. Потом, обработав пленку, она сделает сенсационный материал. Но сначала необходимо узнать, кто эти заговорщики. Одного она уже знает в лицо. Впрочем, как и он ее. Нужно быть осторожнее. Раз он не побежал за ней по коридору, значит, боится, что она может его разоблачить. А раз боится, следовательно, они затевают что-то противозаконное.

Римма показала офицеру, стоявшему у дверей, свой пропуск. Тот кивнул головой, разрешая пройти. Она облегченно вздохнула – пронесло. Выйдя из здания, она посмотрела на часы. Сейчас все должны быть в редакции. Как глупо, что она забыла вчера на работе свой мобильный телефон. Римма потянула на себя сумочку и вдруг почувствовала, как в бок ей уперлось дуло пистолета.

– Тихо, милая, – сказал кто-то, обдав ее гниlostным запахом изо рта, – и не ори, иначе будет очень больно.

Она не стала поворачивать головы. Просто посмотрела вниз. Рядом стояли Рыжие Туфли.

– Что вам нужно? – дрогнувшим голосом спросила Римма.

– Поедешь с нами. И без глупостей. Иначе, сама понимаешь, нам терять нечего.

Римма, все еще не веря в случившееся, шла к автомобилю как во сне. До машины оставалось всего несколько шагов. Она уже видела безучастное лицо водителя, он уже открыл дверь, приглашая их садиться...

ГЛАВА 2

В последние годы у него иногда болело сердце. Болело оно по ночам, когда Дронго оставался один. Словно выжидало момент, когда можно напасть. Едва он ложился в постель, пытаясь заснуть, сердце напоминало о себе, и он вскакивал, хватая воздух непослушными губами. Это было непонятно и обидно: чтобы сорокалетний мужик, который всегда отличался отменным здоровьем, так маялся с сердцем. Оно жило по своим особым законам. Врачи, осматривающие его, тщательно проверяли все и делали заключение: сердце у него абсолютно здоровое. Но оно почему-то продолжало болеть. Он иногда догадывался, почему оно болит. Слишком тяжкий груз давил на его сознание, и сердце не могло выдержать всех этих разоблачений, тягот, забот, которые выпадали на его судьбу. Может, поэтому он так ненавидел телефоны, предпочитая ставить их на автоответчик, и никогда не пользовался мобильными телефонами. Он не любил неожиданных звонков и внезапных известий. Они всегда приносили неприятности.

Его искали как «Скорую помощь» в час скорби. Он нужен был как врач или священник, как последняя инстанция, к которой обращались с надеждой на чудо. Короче говоря, та последняя инстанция, в которую обращались в самых сложных и самых печальных обстоятельствах. Гонорары, которые он получал за предыдущие расследования, позволяли ему вести независимую жизнь, не связанную ни с государством, ни с какими-либо официальными инстанциями. Несколько раз в год он путешествовал, каждый раз выбирая новое место – не любил встреч с прошлым. Но даже в своих путешествиях избегал знакомств с женщинами, словно опасаясь нарваться на серьезную и продолжительную связь.

В Москве и Баку, где он владел собственными квартирами, у него было несколько знакомых женщин, которые, зная его характер, терпеливо ждали его звонка. Он мог позвонить через год, через два. А мог не позвонить никогда. Женщины, общавшиеся с ним, уже знали об этой его особенности. Он был постоянен в выборе партнеров и непостоянен в выборе партнерш.

Его жизнь протекала странно. Иные месяцы проходили медленно и сонно, а следующие за ними дни расширялись до размеров года. Многих людей, которые встречались у него на пути, он не помнил. Они становились размытыми масками прошлого. Кое-кого он помнил долго, каждого по-своему. Он давно осознал как непреложную истину: люди не бывают хорошими или плохими. В зависимости от обстоятельств они делаются либо благородными, либо непорядочными. Изначальных негодяев с абсолютно темными душами он почти не встречал. Как не встречал ангелов, не ведавших о суетной стороне жизни. Такое знание могло сделать его циником, но вместо этого он становился меланхоликом, сам не замечая, как физически стареет, словно обретенное познание давит на его душу. Поэтому у него и болело сердце.

В этот день он проспал, как обычно, до полудня. Ночью, привычно выключив телевизор, он читал один из последних романов Айзека Азимова. Узнав о том, что он умирает, великий американский фантаст признался: если бы я знал, что так быстро умру, я написал бы еще больше. Дронго поразила философия этого замечательного гуманиста. Он не пожелал себе ничего – кроме работы. Ничего, в чем мог бы находить радость: у него было одно – радость творчества.

Впервые Дронго так долго не мог уснуть, пытаясь разобраться в собственных чувствах. Может быть, и для него есть лишь единственная радость – творчество. Наверное, только благодаря этому он выжил в те годы, когда это, казалось, было невозможно.

Когда в девяносто первом в Вене убили Натали, когда распалась страна, которой он присягал, ему больше жить не хотелось. В девяносто втором он уехал в Англию, где его арестовали; это казалось ему концом. Но быстро отпустили, и он, вернувшись в Москву, навсегда отказался работать в государственных органах, став, по существу, частным детективом. И лишь одно

качество осталось с ним: его феноменальные аналитические способности одного из лучших в стране экспертов, умевших применять их на практике.

Он был постоянен в своих главных привычках, прежде всего в том, что касалось еды, одежды, запахов. Запах «Фаренгейта», французского парфюма, стал его своеобразной визитной карточкой. Из обуви он предпочитал всем другим фирмам «Балли». Итальянские костюмы от Валентино были ему привычны, как никакая иная одежда. Дронго часто ловил себя на мысли, что подобный консерватизм – свойство пожилых людей, которым уже поздно менять свои устоявшиеся привычки.

Когда раздался телефонный звонок, он недовольно поморщился. Телефон стоял в другой комнате, он никогда не позволял себе устанавливать телефон в спальню, но звонок был достаточно громкий, чтобы его разбудить. Часы показывали пять минут первого.

– Извините, что беспокою вас, – сказал незнакомый голос в трубке, – вам надо звонить после двенадцати. С вами говорит главный редактор газеты «Московский фаталист» Павел Сорокин. Возможно, вы слышали о нашей газете. Я бы хотел с вами встретиться. Понимаю, что вас удивил мой звонок, но прошу мне поверить, что дело чрезвычайно важное. Мой телефон...

Сообщение было записано, и главный редактор положил трубку. Дронго приподнялся на подушке. «Молодец, – подумал он, – позвонил ровно в пять минут первого». С другой стороны, ясно, что накануне редактор общался с очень близким ему человеком: кто-то подсказал, когда следует звонить Дронго. Он поднялся с постели, задумчиво провел рукой по щеке. Первое, что он делал, просыпаясь, – шел в ванную комнату побриться и принять душ. Выполнив привычный ритуал, он подошел к телефону и снова включил запись с сообщением Павла Сорокина.

Прослушав запись во второй раз, включил ее в третий. И лишь после этого поднял трубку и набрал номер абонента.

– Здравствуйте, попросите, пожалуйста, к телефону Павла Сорокина.

– Добрый день, – услышал он в ответ, – я звонил вам полчаса назад. Прошу извинения, что позвонил без разрешения. Но, поверьте, дело мое действительно чрезвычайной важности.

– Это я уже понял, – пробормотал Дронго. – Где мы встретимся?

– В любом месте, какое вы назовете.

– Давайте на Арбате. Вы знаете, где находится ресторан «Пальма»?

– Примерно да. Это на Новом Арбате?

– Да, на бывшем Калининском... на втором этаже. Я буду ждать вас ровно через два часа.

– Договорились.

Дронго положил трубку. Он вспомнил все, что слышал о «Московском фаталисте». Очень популярная газета. Самый большой тираж в Москве. Иногда ее обвиняют в цинизме, некоей бульварности, но она все же держит марку самой читаемой в столице газеты. Есть ли еще какие-то сведения о газете в Интернете? Он подсел к своему компьютеру и принялся искать интересующие его файлы.

Через два часа главный редактор «Московского фаталиста» был в ресторане. Сознание собственной значимости сквозило в каждом слове и жесте этого сорокалетнего мужчины. Ухоженная борода и очки в круглой оправе придавали ему сходство с Чеховым, которым он очень гордился. Несмотря на потуги тщеславия, вполне понятные при столь шумных успехах руководимого им издания, это был умный, приятный в общении собеседник, не допускавший бестактных промахов. И вместе с тем ловкий деловой и предприимчивый человек, каким ему приходилось быть в сложных рыночных отношениях, обрушившихся на прессу в начале девяностых. Его главным качеством было умение мгновенно принимать решения, быстро перестраиваться в случае необходимости, точно рассчитывать возможные финансовые успехи, избегать провалов в разного рода проектах. Он, по существу, соединял в одном лице талантливого предпринимателя, умелого директора и хваткого редактора, что делало его фигуру почти культовой в среде московских журналистов.

Войдя в зал ресторана, он внимательно осмотрелся. Нужного ему человека нигде не было. Ему описали Дронго, и Сорокин был уверен, что сумеет с ходу узнать своего собеседника. И в этот момент за его спиной раздалось:

– Здравствуйте, Павел Сергеевич.

Сорокин резко обернулся. За спиной стоял тот самый человек, которого ему описали. Лет сорока, высокий, широкоплечий, умные насмешливые глаза, большой лоб.

– Здравствуйте, – протянул руку Сорокин, – я, кажется, не опоздал.

– Нет. В этом ресторане можно назначать любые встречи. Здесь два выхода с разных сторон, и, сидя за столиком, вы просматриваете всю улицу из конца в конец.

– Вы назначали встречу с учетом и этих возможностей, – улыбнулся Сорокин.

– Конечно, – серьезно ответил Дронго, – иначе я бы не смог продержаться так долго.

Они прошли за столик. Подскочившего официанта попросили для начала принести апельсиновый сок.

– У меня к вам очень важное дело, – начал Сорокин, невольно наклоняясь к своему собеседнику.

– И я даже знаю, какое, – кивнул Дронго, – убийство Звонарева. Верно?

– Вам уже звонили? – удивился главный редактор.

– Конечно, нет. Просто перед тем как явиться на нашу встречу, я немного покопался в Интернете. Так сказать, для ознакомления с вашей газетой. Должен признаться, что я постоянный ее читатель, и могу засвидетельствовать вам свое восхищение. Разумеется, я не мог пройти мимо материалов вашего Звонарева. Всегда очень интересные, объемные, с массой фактов. Он ведь занимался, кажется, проблемами служителей Фемиды. Во всяком случае, его последняя статья была об этом. И две недели назад его убили. Если не ошибаюсь, это уже второй случай в вашей газете. Первого журналиста убрали пять лет назад...

– Да. И следствие до сих пор не может завершиться. Хотя меня уверяют, что уже вышли на след убийц. Но наши юристы настроены очень скептически. Через пять лет раскрыть такое преступление очень трудно. В суде все может развалиться. И тогда убийцы нашего журналиста уйдут от ответственности.

– И вы решили взять дело мести в собственные руки? – не без иронии спросил Дронго.

Сорокин нахмурился. Сел ровно и холодно произнес:

– Мне рекомендовали вас как серьезного человека. Уверяли, что вы можете помочь нам в решении нашей проблемы. Или они ошибались?

– Не нужно сразу обижаться. Вы лишь подтвердили мою догадку, еще ничего не сказав по существу. Значит, разговор пойдет о Звонареве?

– Конечно, – пробормотал Сорокин, который понял, что его собеседник оказался прав. Еще не сказав ни слова, он выдал себя с головой несдержанной реакцией.

– Славу Звонарева убили две недели назад. Если первого нашего журналиста взорвали, послав ему «сувенирный набор» из военной разведки, то со Звонаревым не стали церемониться. Его просто пристрелили в подъезде собственного дома. Почти на глазах у соседей. Следствие, как всегда, выдвигает массу интересных версий, но за две недели оно не продвинулось ни на шаг. А из практики хорошо известно, что подобные преступления либо раскрываются сразу, либо не раскрываются никогда. У нас больше нет времени. Две недели истекли, и мы хотели бы иметь более правдоподобные версии убийства нашего журналиста.

– И не только поэтому, – сказал Дронго, глядя в глаза Сорокину, – вас ведь интересуют и мотивы убийства?

– Да, – хмуро признался главный редактор, – и возможные мотивы тоже. Мы не исключаем, что накануне президентских выборов кто-то решил разыграть эту карту. Наша позиция строгого нейтралитета была известна всем. Мы принципиально не поддерживали и не станем поддерживать ни одного из известных кандидатов в президенты. Звонарев в своих статьях в

последнее время привел достаточно много компрометирующих фактов, но среди них все же не было таких, за которые можно было бы убить человека. Во всяком случае, мы стараемся не подставлять своих журналистов. А его убили. Подло убили, выстрелами в спину. И добились контрольным выстрелом. У него в кармане было полторы тысячи долларов, но убийца ничего не взял. Даже ребенку ясно, что убийство было заказным. Именно поэтому я хотел встретиться с вами.

Подошедший официант поставил перед ними два стакана свежавыжатого апельсинового сока.

– Еще две текилы, – попросил Дронго и, когда официант удалился, спросил: – Вы хотите поручить именно мне это дело?

– Конечно. Только поэтому я и обзвонил всех бывших и нынешних сотрудников ФСБ и внешней разведки. Мне нужен человек, который возьмется за независимое расследование убийства. Человек, который сумеет провести его быстро и результативно, будучи независимым от любой из наших партий, а тем более – от властей. Вы именно такой человек. Поэтому я прошу вас взяться за расследование убийства нашего товарища. Со своей стороны, мы готовы выплатить вам любой гонорар, в разумных пределах, разумеется. Вы согласны?

Официант принес две текилы. Поставил на столик тарелочку с нарезанными дольками лимона. И замер в ожидании дальнейших заказов. Дронго поднял кисть руки и, качнув пальцами, отпустил его. Потом тяжело вздохнул и спросил у Сорокина:

– Кто ведет расследование?

– Все кому не лень. ФСБ, прокуратура, милиция. Конкретно – следователь прокуратуры. Но в милиции и в ФСБ созданы свои оперативные группы. Звонарева многие знали и любили в Москве. Президент обещал взять расследование под собственный контроль, но это, как всегда, лишь пустое сотрясание воздуха. Конкретно расследованием убийства занимается некто Бозин Арсений Николаевич. Говорят, достаточно опытный следователь, работает в органах прокуратуры больше двадцати лет. Но, увы, пока никаких результатов.

– Понятно. Кто вам дал мой телефон?

– Это так принципиально? – нахмурился главный редактор.

– Да, я должен знать, через кого вы на меня вышли. Возможно, это повлияет на мое согласие или несогласие с вами сотрудничать.

– Через сотрудников Службы внешней разведки, – нехотя признался Сорокин, – один из них вспомнил про бывшего сотрудника их ведомства, он и дал ваш телефон.

– Фамилию сотрудника вы помните?

– Это была конфиденциальная информация. Я не имею права ничего говорить.

– Но кто конкретно дал вам мой телефон – вы можете сказать?

– Его фамилии я не знаю. С ним связывался наш сотрудник. Только имя-отчество – Владимир Владимирович.

– Достаточно. Я все понял.

– Вы не согласны? – встревожился Сорокин.

– Наоборот. Это имя – гарантия от возможных провокаций. В наше время никто не застрахован от любых неожиданностей. Я согласен.

– В таком случае назовите ваш гонорар, – сказал главный, испытующе глядя на Дронго.

– Сто тысяч долларов. Из них четверть суммы вперед, независимо от исхода расследования. Деньги мне нужны для расследования.

– Не много ли? – усомнился главный.

– По-моему, даже мало, учитывая объем работы. Я думаю, если бы к вам обратились с предложением дать информацию по убийству Звонарева за такие деньги, вы бы моментально согласились. Или нет?

– Я согласен, – кивнул главный редактор, – куда привезти деньги?

– Это не самое главное. Деньги передадите, когда я приеду к вам в редакцию. Кстати, давайте что-нибудь закажем, а то официант уже смотрит на нас волком. И, между прочим, сегодня угощаю я. Что вы любите больше – рыбу или мясо?

– Мне все равно, – пожал плечами Сорокин.

Дронго поднял руку, подзывая официанта. Быстро сделав заказ, он отпустил парня. Сорокин посмотрел в глаза этому непонятному для него человеку:

– Насчет гарантий я, конечно, могу не спрашивать?

– Вот именно. У меня не страховая контора, и я не всемогущ. Я могу потерпеть поражение, могу ничего не найти. Но моя репутация заставит меня работать куда интенсивнее, чем трудились бы на вас десяток сыщиков. У каждого своя профессиональная гордость.

– Какие же сроки? – спросил главный редактор.

– Это вы должны назвать. Только по возможности реалистические. Если вы дадите мне три дня, как в старых сказках, это и будет сказкой. Если год, то это несерьезно. Я думаю, месяц или два – срок вполне достаточный. Возможно, смогу уложиться и в меньший срок.

– Хорошо, – Сорокин взял стаканчик текилы и с грустью произнес: – За нашего Славу Звонарева. За упокой его души. И за ваш успех, – он быстро выпил, закусил лимоном. Дронго последовал его примеру. В последние годы ему полюбилась именно текила, или, скорее, сам обряд ее поглощения: сначала нужно лизнуть соль, потом выпить обжигающую жидкость и только в конце закусить лимоном, чтобы создать полный букет ощущений.

– Кто, кроме вас, знает о моем участии в этом деле? – спросил Дронго.

– Только я и двое наших сотрудников. Эта идея пришла в голову одному из наших ребят, пишущему на криминальные темы.

– Вот вам бумага, – Дронго достал из кармана небольшую записную книжку, вырвал листок, – напишите их имена и фамилии. Желательно домашние телефоны и адреса, если помните. И свой телефон тоже. Можете дать мобильный.

– А для чего их адреса? – удивился Сорокин, пододвигая к себе бумагу и доставая ручку.

– Для проверки. Я должен быть убежден, что они не подставили нас обоих. Вполне вероятно, что ваши конкуренты или недоброжелатели захотят обыграть такой выигрышный факт. Главный редактор самой популярной московской газеты не доверяет властям и нанял частного детектива. Согласитесь, что такой сюжет может пойти на первые полосы. Я уже не говорю о том, как его могут использовать политики. В том числе и вероятные кандидаты в президенты...

– Я понял, – кивнул Сорокин, – вот здесь все телефоны и адреса. – Еще что-нибудь?

– Только одно. Я хочу подробно поговорить кое с кем из ваших сотрудников. С теми, кто общался со Звонаревым перед смертью. Это можно организовать?

– Конечно. С любым. Я могу представить вас журналистом зарубежной радиокompании, собирающим материал о погибшем Звонареве. Обычно вопросы корреспондентов и следователей почти не отличаются.

– Тогда все в порядке. Должен признаться, что меня радует ваша осведомленность. Вы неплохо подготовились к нашей беседе.

– Как и вы, – пробормотал Сорокин.

– В таком случае начнем именно с вас. Расскажите мне подробно, что случилось в вашей редакции за несколько последних дней перед смертью Звонарева? И какие статьи он готовил или собирался опубликовать? А потом я приеду к вам. Когда вам будет удобно?

– После четырех, – взглянул на часы Сорокин, – я буду ждать вас в редакции. В три я должен быть в правительстве.

– Договорились. А сейчас побеседуем еще...

ГЛАВА 3

Он не любил опаздывать. Это качество, выработанное за годы службы в органах, стало его принципом: никогда не опаздывать на любые встречи или совещания. Бывший полковник госбезопасности Ветров, ныне работающий начальником службы безопасности крупного банка, знал, как важно не опаздывать именно на эту встречу. Ему было уже за шестьдесят. Большая лысая голова, лицо с крупными бородавками на подбородке и у носа, мясистые щеки, чуть раскосые монголоидные глаза – очевидно, среди его предков были азиаты. Почти все бывшие офицеры КГБ и МВД довольно быстро и неплохо устраивались в новой жизни. Их бесценным опытом норовили воспользоваться как раз те, против кого генералы боролись всю свою прежнюю жизнь. Бывшие фарцовщики, спекулянты, валютчики, мошенники получали в обществе статус уважаемых людей, банкиров и предпринимателей, а соответственно боровшиеся против них офицеры милиции и госбезопасности становились их цепными псами, предпочитали вопреки укорам совести иметь очень неплохую зарплату и обеспеченную старость, чего не могло дать им государство, коему они честно служили всю свою жизнь.

Ветров посмотрел на часы и чертыхнулся. Неужели из-за этой проклятой автомобильной пробки придется опоздать! Он хрипло напомнил водителю:

– Мы опаздываем, Миша. Постарайся успеть.

Водитель испуганно обернулся. Обычно Ветров не напоминал ему о времени. Водитель и без того знал строгий нрав своего хозяина. Но раз тот напомнил, значит, дело действительно очень важное и опаздывать нельзя ни при каких обстоятельствах. Водитель немедленно включил сирену, которая была на их «Мерседесе». И хотя законом запрещалось устанавливать подобные сирены на машинах, не принадлежащих высшим государственным чиновникам, тем не менее автомобилисты, не вникая, кому там принадлежит рев несущегося позади авто, шаркались в сторону, освобождая нагледцу место.

Ветров скосил глаз на папку, лежащую на сиденье рядом. От этой встречи может зависеть очень многое, – в который раз подумал он, глядя на темный коленкор. Для него вся ценность предстоящей встречи вменялась в этой деловой папке, подготовленной для него специалистами из аналитического центра, который он создал при своей службе безопасности.

Они успели даже за две минуты до условного часа, и Ветров, выходя из автомобиля, кивнул водителю в знак благодарности. Многословие, по убеждению Ветрова, лишь балует людей, делает их недисциплинированными.

Войдя в здание, Ветров прошел к лифту, оглянулся по сторонам. В подъезде пусто, хотя дверь была открыта. Это его удивило и несколько насторожило. Он дождался, когда кабина лифта спустилась вниз, и уже собирался войти, когда услышал за своей спиной:

– Константин Андреевич?

– Да, – обернулся Ветров. Рядом стояли двое неизвестно откуда появившихся молодых людей. Ветров испуганно прижал к себе папку и первый раз пожалел, что не взял телохранителей. Но молодые люди любезно улыбались.

– Четвертый этаж, – сказал один из них, – дверь налево.

– Я знаю, – грозно прохрипел Ветров и, уже не глядя по сторонам, вошел в кабину, нажав на кнопку четвертого этажа. В конце концов эти слизняки небось и не заметили, что он их испугался. Тоже мне охрана! Играют в детские игры. Могли бы встать у дверей, когда он вошел. Нет, предпочли эффектное появление за его спиной, кретины. Понятия не имеют, как положено нормально работать, с нарастающим раздражением думал полковник.

На четвертом этаже кабина остановилась. Ветров вышел, огляделся. Подумал, что уж здесь-то не будет неожиданностей, заметил телевизионную камеру, установленную справа от него. И еще одну – у самой двери, к которой он направлялся.

«Неплохая охрана», – удовлетворенно отметил про себя полковник и шагнул к двери, поднимая руку, чтобы позвонить. Но дверь автоматически распахнулась перед ним. На пороге стоял молодой человек в строгом темном костюме.

– Вас ждут, – показал он в глубь квартиры. Ветров, прижимая к себе папку, прошел дальше.

В большой, просторной гостиной, переделанной, очевидно, из нескольких комнат, его ждали трое. Один из них – президент банковского объединения, в котором работал Ветров. Второй – известный политик, чье лицо успело примелькаться. И третий... третий был тот самый человек, ради которого первые два приехали на конфиденциальную встречу. Третий, глава крупной нефтяной компании, и был хозяином встречи.

Поздоровавшись, Ветров прошел в комнату. Почтительность хозяина заставила его чуть наклонить голову, отчего его одутловатое лицо приобрело багровый оттенок.

– Проходите, Константин Андреевич, – пригласил его Хозяин, – садитесь. Мы как раз ждали вас, чтобы начать наш разговор.

Президент банка кивнул Ветрову, а Политик даже встал и пожал ему руку. Словно полковник был одним из его избирателей.

– Садитесь, садитесь, – мягко продолжал Хозяин, подталкивая его к креслу, – вы принесли то, что мы просили?

– Да, конечно. Вот данные всех трех опросов, проведенных разными социологическими службами. Мы заказывали им материалы от имени нашего информационного агентства, якобы для составления рейтинга кандидатов. Вот данные, – раскрыл папку Ветров, усаживаясь в глубокое кресло, – а вот обработка наших аналитиков. По результатам опросов мы имеем...

– Подождите, – прервал его Хозяин, – давайте-ка по порядку. Кто именно интересовал вас для опросов? Вы включали в рейтинг ныне действующего Президента?

– Нет, – ответил Ветров, – мне казалось, что здесь все и так ясно. Он не пойдет на третий срок.

– Это вы так считаете. Впрочем, мы сейчас не об этом. Но вы провели опрос остальных кандидатов. Каковы данные социологических служб?

– Во всех опросах на первое место выходит лидер коммунистов. На втором-третьем идут мэр Москвы и известный генерал, про которого вы спрашивали. Однако у мэра Москвы рейтинг чуть больше. Таким образом, уже сейчас можно спрогнозировать возможный выход во второй тур лидера левых и мэра столицы. И почти со стопроцентной уверенностью можно говорить, что при таком исходе победу одерживает мэр Москвы.

Наступило молчание. Хозяин встречи посмотрел на сидевших рядом с ним Банкира и Политика. Покачал головой и, мягко улыбнувшись, спросил:

– Вам все понятно или есть еще какие-то сомнения?

– Он не пройдет, – зло бросил Политик, – мы этого не допустим. Организуем серию статей в прессе, дадим задание телевидению. К власти мы его ни в коем случае не допустим.

– Это вы так думаете, – нахмурился Банкир, – а в действительности он самый реальный кандидат...

– Который победит на выборах, – закончил за него Хозяин встречи. – Итак, мы, по-моему, определились. Если мы по-прежнему будем сидеть сложа руки, это почти наверняка приведет к победе нашего оппонента на президентских выборах. И как следствие – крупные неприятности, которые принесет нам эта победа.

– Вы могли бы этого не говорить, – дернулся Политик, – мы и так понимаем сложность ситуации. Если бы Президент в свое время более решительно противостоял амбициям мэра, мы бы...

– Мы бы имели еще более популярного мэра, – возразил Хозяин встречи. – Ваша беда состоит в том, что в отличие от социологов вы не умеете считать. А в отличие от аналитиков не умеете анализировать ситуацию. Это всегда было вашим уязвимым местом.

– Во всяком случае, я придерживался определенной линии, – прохрипел Политик.

– Ну и напрасно, – рассудительно заметил Хозяин встречи, – давайте теперь послушаем Константина Андреевича. Итак, с прогнозом нам примерно ясно. Не стоит вникать в проценты и выкладки, мы и так представляем себе картину, я считаю, достаточно полно. Каковы прогнозы ваших аналитиков? Можно изменить ситуацию?

– В настоящее время рейтинг мэра продолжает расти, – продолжал Ветров, – однако наши аналитики предвидят потолок, выше которого он не сможет подняться. Собрав голоса умеренных левых и центристов, он достигнет своего пика и только затем, во втором туре, на прогнозируемой волне антикоммунистических настроений может набрать большинство.

– Давайте пока без окончательных выводов. Вашим аналитикам можно верить? У вас ведь собраны лучшие кадры бывшего КГБ – не так ли?

– Почти все, – кивнул Ветров. – Наши аналитики исходят из того, что основное пополнение электората мэра могут составить центристы и даже правоцентристы, те, кто раньше отдавал свои голоса другим партиям и другим кандидатам. Их вывод: необходимо оттолкнуть от мэра именно эту часть избирателей, сделав его одиозным кандидатом одних патриотических и леворадикальных сил. А затем заставить его бороться на поле электората с представителем коммунистов, а в этой борьбе лидер левых всегда будет опережать мэра. Именно на поле своего электората – за счет лучшей организации партии и традиционной готовности голосующих отдавать свои голоса представителю именно коммунистов.

– Выскажите яснее, – нахмурился Политик, – что вы имеете в виду?

– Отрезать от него большую часть электората, – пояснил Ветров. – В таком случае он не попадает даже в тройку кандидатов, не говоря уже о втором туре.

– И как вы рассчитываете это сделать? – спросил Политик.

Ветров оглянулся по сторонам, словно ожидая подвоха. Потом взглянул на президента банка. Тот молчал, словно происходящее его не касалось. Посмотрел на нетерпеливо ожидавшего Политика. Перевел взгляд на Хозяина встречи. И, увидев его разрешающий кивок, очень тихо сказал:

– Оттолкнуть часть избирателей путем проведения некоторых акций в самой Москве.

– Каких акций? – не унимался Политик.

– Это мы решим в оперативном порядке, – улыбнулся Хозяин встречи, – в конце концов важен результат, а не то, что мы решили предпринять.

– Я не понимаю, каким образом вы собираетесь оттолкнуть от него избирателей? – настаивал Политик. – Вы можете объяснить, как именно вы собираетесь действовать?

– Вариантов много, – ответил Ветров, – от конкретно направленных до общегородских акций.

– Перестаньте говорить загадками, – разозлился Политик. – Хотелось бы знать конкретно, что именно вы собираетесь предпринять, чтобы не допустить прохода мэра во второй тур. Что конкретно? А вы говорите мне о существовании вариантов.

– Это мы еще продумываем, – сказал Ветров, глядя на Хозяина встречи. Тот понял, что пора вмешаться.

– Успокойтесь, – строго сказал он, – неужели вам не понятно, о каких вариантах может идти речь? Неужто не ясно, что именно нужно делать, чтобы оттолкнуть избирателей от данного кандидата? С другими было бы сложнее, на них не висит груз такого хозяйства, как на этом. Он ведь отвечает за город, за весь город! Вы меня понимаете?

Политик смотрел на него с сомнением. Банкир же, сидевший рядом, нахмурился, уже догадываясь, о чем именно идет речь. Но Политик упрямо не хотел верить в очевидное.

– Можно найти массу моментов, на которых наш кандидат может споткнуться, – продолжал Хозяин встречи, – вы ведь помните, как в Москве прогремел взрыв в синагоге. Скандал на весь мир, хотя в общем-то никто не пострадал.

– Что вы хотите этим сказать? – привскочил со своего места Политик, но глубокое кресло не располагало к подобным реакциям.

– Успокойтесь, – строго сказал Хозяин встречи, – конечно, не обязательно взрывы. Но как вариант, при котором шансы кандидата стремительно падают, он вполне возможен. Или же его антикавказские акции, например незаконная регистрация для торговцев. Достаточно много нерешенных вопросов, в том числе и национальных, существует в столице. Можно подтолкнуть один из этих камешков, и камнепад тогда трудно будет остановить.

Политику все-таки удалось вылезти из своего глубокого кресла. Стоя посреди комнаты и оглядывая растерянным взглядом собравшихся, он вопрошал:

– Вы сошли с ума? Неужто вы это всерьез?

– Сядьте и успокойтесь, – разозлился наконец Хозяин встречи, – я же не призываю вас немедленно идти взрывать синагогу или устраивать погромы кавказцев. Я говорю об общей ситуации в городе, возможной накануне выборов.

– Нет, вы сошли с ума, – повторил Политик уже менее убежденно.

– Тогда сядьте и дожидайтесь, когда он станет Президентом, – разозлился уже Банкир, – и тогда он вас всех выгонит не только из города, но и из страны. Где в таком случае вы будете произносить свои обличительные речи? В Думу вас уже не пустят и в правительство вряд ли возьмут. Вы этого хотите?

Политик огляделся по сторонам, словно ища поддержки. И увидел три пары беспощадных глаз. Глаза волков, готовых ринуться на врага по условному сигналу. Он беспомощно плюхнулся на свое место, словно соглашаясь с неизбежным.

– И не надо так все драматизировать, – примирительно сказал Хозяин встречи. – В конце концов, мы же не усложняем ситуацию. Наоборот, мы пытаемся держать ее под контролем, чтобы накануне выборов не произошло ничего неожиданного.

– А если произойдет? – слабым голосом спросил Политик.

– Тогда вы останетесь в правительстве, – чеканя каждое слово, произнес Хозяин встречи, – а кандидат, который не должен пройти, никуда не пройдет. Неужели вы не можете понять наконец, что такой кандидат гораздо опаснее для всех нас, чем лидер коммунистов. С тем все ясно. Он больше своих двадцати пяти процентов в жизни не наберет, даже если случится светопреставление. Но другой – вот тот гораздо опаснее. Он не просто наберет все возможные голоса. Он еще и начнет играть на нашем поле. Любая акция победившего коммуниста была бы подана нами как месть демократам за их попытки вывести страну к светлому будущему. Даже победа лидера коммунистов не так страшна, он все равно будет связан по рукам и ногам. За ним будет следить весь мир, и его имидж лидера левых, оказывая на него постоянное давление, заставит соглашаться с нами. Если победит другой, то все пойдет прахом. У него имидж демократа, и теория мести здесь не сработает. Мы просто проигрываем в таком случае. Окончательно и бесповоротно. Вы этого хотите?

– Я ничего не сказал, – окончательно смутился Политик.

– Тогда не стройте из себя невинную девицу. Нельзя, не потеряв девственности, родить ребенка. Это удалось только Деве Марии, да и то я всегда в этом сильно сомневался.

– Не богохульствуйте, – поморщился Банкир, – мы обсуждаем важные темы.

– А вы не юродствуйте. С каких пор вы стали таким набожным? Вы ведь раньше, кажется, торговали иконами, сплавляя их на Запад. Или тогда вы больше верили в бога?

Банкир замер, на миг нахмурился, но отвернулся и не стал спорить.

– Извините меня, господа, – примирительно сказал Хозяин встречи, – кажется, я немного погорячился и сорвался. Но вы должны понять мое состояние. Если победит человек, о кото-

ром мы говорили, я первым должен буду уехать из страны. Этот человек мой личный враг. И я сделаю все, вы слышите меня, господа, все от меня зависящее, чтобы он никогда не прошел во второй тур. Чтобы у него не было никаких шансов. Ни единого!

Банкир, успокоившись, слушал Хозяина встречи почти с одобрением. Политик в некотором смятении наклонил голову, но в душе посчитал, что их собеседник прав. Ветров сидел довольный. Наконец он будет работать с решительным человеком, готовым для достижения своих целей использовать любые способы. Давно не хватало именно такого человека. Ветров посмотрел на свою папку и подумал, что у него все еще впереди. И шестьдесят пять лет далеко не конец жизни.

ГЛАВА 4

Римма обернулась, все еще не веря в случившееся. Рядом стоял человек, который подталкивал ее к машине. Она его узнала: чуть удлинённый нос, тонкие губы, редкие всклокоченные светлые волосы. Даже в такой ситуации она обратила внимание на его мятый двубортный серый костюм и рыжие туфли.

– Иди быстрее, – прохрипел он, зло подталкивая ее к машине. В эту секунду она поняла, что у нее есть только один шанс. Один-единственный шанс, который нужно использовать, чтобы попытаться остаться в живых. Она была достаточно сообразительным и находчивым человеком, каким и должен быть настоящий журналист.

Сориентировавшись, она чуть повернула голову и с криком рванулась к проходившему мимо мужчине.

– Миша! Миша, как давно я тебя не видела, – она обняла его и принялась целовать прямо в губы. Похититель растерянно опустил пистолет, не зная, что думать.

– Простите, – пытался отбиться неизвестный, очевидно, депутат, – вы, кажется...

– Миша, да ты посмотри лучше, – шептала Римма, продолжая осыпать его градом поцелуев.

Но чем демонстративнее проявляла она свои чувства, тем больше пугался депутат. Немного оправившись от неожиданности, он решил, что его хотят скомпрометировать. Теперь он уже вырывался из рук эксцентричной девицы изо всех сил.

– Это провокация! – закричал он. – Это политическая провокация, – отбивался он от цепких объятий Риммы. – Я не знаю эту женщину. Я никогда с ней не встречался.

А Римма, физически ощутив, как к ней сейчас приставят дуло пистолета, решила играть свою роль до конца.

– Негодай! – взвизгнула она громко. – А наш ребенок, подлец ты эдакий! – И изо всех сил ударила ошарашенного мужчину по лицу, вкладывая в пощечину весь свой страх.

– Вы видите! – закричал депутат, обращаясь к сотрудникам охраны, уже выбегавшим из здания Думы. – Вы видели, как она меня ударила? Вы все видели? Это провокация. Это политическая провокация, – бормотал он, держась за щеку и пятясь от наступавшей на него Риммы.

– Ваши документы! – кричал на бегу капитан милиции.

– Он отец моего ребенка! – орала Римма, радуясь, что придуманный ею план сработал.

– Она врет, она все врет, – бубнил «отец ребенка», пятясь от нахалки. Вдруг он споткнулся и упал на тротуар. К Римме бежали уже три офицера милиции.

Обернувшись, она с облегчением увидела, что обладатель рыжих туфель, сунув пистолет в карман, отступал к своей машине.

Римма, торжествуя свою победу, радостно орала:

– Он меня изнасиловал! – ей было весело и уже совсем не страшно.

– Ваши документы, – потребовал капитан, схвативший ее за руку. Из здания выскочили два знакомых журналиста, узнавшие Римму. Теперь она поняла, что спасена. Обладатель рыжих туфель сел в свой автомобиль и, метнув на нее злобный взгляд, отвернулся. Машина медленно отъехала от здания Думы.

– Ваши документы, – продолжал настаивать капитан.

– Это провокация, – шептал депутат побелевшими губами.

– Что случилось, Римма? – с недоумением спрашивали ее коллеги. – Объясни, что произошло?

Она проводила взглядом «Волгу», стараясь запомнить номер машины. Затем Римма повернулась к депутату:

– Извините меня, пожалуйста, извините. Кажется, я ошиблась. Я обозналась, простите меня, ради бога.

– Это аферистка! – взвизгнул депутат. – Ее нужно задержать, – не унимался он.

– Пройдемте, гражданочка. – Капитан настойчиво тянул Римму за руку.

– Это наша коллега, она аккредитована вместе с нами, – вступились за Римму знакомые журналисты. Собралась толпа. Нашлись и свидетели происшествия, показания которых резко расходились в оценках. Римма поняла, что объяснений с капитаном ей не избежать.

– Конечно, пройдемте, господин капитан, – покорно сказала она. – Я действительно ошиблась и приношу свои извинения...

– Ее нужно арестовать, – настаивал испуганный депутат.

– Разберемся, – пообещал капитан, строго взглянув на Римму. Он не мог понять мгновенной смены настроений этой странной журналистки.

Объяснение с заместителем начальника охраны было долгим. Сначала он придирчиво рассматривал документы Кривцовой. Потом еще больше времени потратил на проверку всех ее бумаг и установление личности, для чего звонил в редакцию и отделение милиции, выдавшее паспорт задержанной. Затем начал задавать свои вопросы и, не удовлетворившись ответами, пообещал возбудить уголовное дело по факту оскорбления депутата и нанесения ему легких телесных повреждений. Но, смягчившись, принял решение лишить аккредитации, запретив появление на заседаниях Думы.

К исходу второго часа появился злополучный депутат со своим адвокатом и помощником. Помощник начал орать на Кривцову, требуя признаться, чей «политический заказ» она выполняла. Адвокат настаивал на передаче дела в прокуратуру и возбуждении уголовного дела по статье «терроризм в отношении государственных служащих».

Римма с ужасом поняла, что угроза возбудить уголовное дело выглядит вполне реально. Ситуация из трагикомической превращалась в трагическую. К счастью для Риммы, ее «делом» занялся наконец начальник охраны, который оказался человеком толковым и не стал выбирать ничьей стороны в столь непонятном деле. Он ограничился тем, что добросовестно составил протокол о случившемся, отобрал у Кривцовой пропуск в здание парламента и пообещал вынести решение через два дня. После чего ей наконец разрешили уйти, несмотря на протесты депутата, его адвоката и помощника, не согласившихся с «легкомысленным», по их мнению, решением столь серьезного вопроса. Только в полдень Римма наконец вышла из здания Думы. И только тогда вспомнила о Вадиме. Но его уже нигде не было. Да и искать его в здании ей бы не разрешили. Она вспомнила, что в редакции у нее есть номер мобильного телефона Вадима.

Успокоившись немного от всего пережитого, она решила поймать такси и уехать в редакцию. Решив, однако, что осторожность не помешает, она пропустила первую свободную машину, от страха пропустила и вторую, проголосовав третьей, где уже сидела женщина с ребенком. Когда те вышли у детской поликлиники, Римма назвала адрес редакции. По дороге она даже придумывала начало и заголовок своего материала, который произведет эффект разорвавшейся бомбы. Но сначала нужно забрать магнитофон у Вадима и прослушать, что же ей удалось записать.

Вытащив из сумочки деньги шоферу, Римма подняла голову и с ужасом увидела перед зданием редакции знакомую «Волгу». Да, номер был тот самый, который она запомнила. Ее уже ждали. В машине сидело двое. Она попросила водителя не останавливаться. Тот удивленно взглянул на странную пассажирку, кивнул головой и, чуть прибавив скорость, проехал мимо. Римма пригнулась, чтобы ее не заметили из стоявшей у тротуара «Волги». Остановились они у первой же будки телефона-автомата. Выскочив из машины, Римма на ходу достала жетон и дрожащими пальцами опустила его в щель аппарата.

Испуганно озираясь по сторонам, она с замиранием сердца ждала, когда снимут трубку. Ей ответила Света, редактор отдела культуры, с которой ее связывали давние дружеские отношения.

– Света, родная, – быстро начала Римма, – у меня к тебе очень важное дело. В моем столе должна лежать записная книжка. Черного цвета. Быстро возьми ее и найди там нужный мне номер.

– Ты где находишься? – удивилась Света. – Тебя все ищут.

– Долго объяснять. Быстрее достань мою книжку.

– Подожди ты с книжкой, – перебила ее Света, – здесь такая каша заварилась. Звонили Главному. Говорят, у тебя ребенок от депутата. Какой ребенок? Говорят, ты устроила скандал, напала на депутата, избива его. Это видели. Тебя даже сфотографировали.

– Потом все объясню, – с досадой сказала Римма. – Это все ерунда. Доставай книжку. Света, родная, я тебе все потом объясню. Доставай книжку, мне она срочно нужна.

– Сейчас достану. Но ты можешь объяснить внятно, что происходит?

– Доставай книжку! – закричала, теряя терпение, Римма.

– Подожди, сейчас, – запричитала Света, бухнув трубку на стол.

Секунды тянулись медленно, как никогда в жизни. Наконец послышался голос Светы:

– Книжка у меня. Кого искать?

– Найди букву В. Посмотри телефон Вадима. Там должен быть мобильный и домашний телефоны Вадима Кокшенова. Только быстрее, Света, быстрее.

– Да, да, понимаю. Буква В. Здесь два Вадима. Какой именно тебе нужен?

– Диктуй оба телефона, – она достала из сумочки ручку, приготовившись записывать. Света начала диктовать, едва разбирая цифры.

– Спасибо, Света! Потом все объясню! – крикнула Римма.

Тут же она начала набирать номер мобильного телефона Вадима. Телефон был отключен. Она набрала его домашний номер. Никто не отвечал. Закусив губу, она была готова заплакать. Отдышавшись, снова набрала оба номера. И снова неудача. Затем она позвонила Вадиму в редакцию.

– Можно позвать к телефону Вадима Кокшенова?

– Его в редакции нет. Что ему передать?

– Скажите, что звонила... Впрочем, нет, я ему потом перезвоню.

Повесив трубку, Римма задумалась. Наверное, это неспроста... И решила вновь звонить Свете.

– Света, прошу тебя, мне срочно нужен магнитофон. Хоть какой-нибудь. Спроси у ребят. Мне это крайне необходимо, – выпалила она.

– Послушай, Римма, – разозлилась подруга. – Ты, похоже, рехнулась окончательно. У тебя самой есть магнитофон. Чего ты истерики устраиваешь? Если залетела – ничего страшного. Сейчас вакуумные аборт делают, знаешь, на каком уровне. У меня знакомый врач, ничего страшного. И по срокам не бойся, все будет нормально.

– Дура, – разозлилась Римма, – у тебя только одно на уме. Какая беременность? Какой аборт? Мне магнитофон нужен. Найди кого-нибудь из ребят. Хотя нет. Возьми-ка лучше магнитофон и спускайся вниз. Только не оглядывайся по сторонам. Иди к театру. Я буду ждать. Только иди не оглядываясь. Ты меня поняла?

– Римма, я начинаю бояться, – зашептала Света. – Что у тебя происходит? Почему такие секреты?

– Делай, как говорю, – требовала Римма. – Принесешь магнитофон, и я все объясню. Только проверь, чтобы была нормальная кассета. Ты меня поняла?

– Все поняла. Через пять минут буду у театра. Что сказать Главному, если он спросит?

– Ничего и никому не говори. Ради бога, кончай задавать вопросы. Я тебя жду.

Выждав несколько минут, Римма снова позвонила по обоим номерам Вадима. Все было по-прежнему. От досады хотелось плакать. Она вспомнила телефон парламентского пресс-центра и набрала номер. Попросила позвать к телефону Вадима Кокшенова. Но ей передали, что он уже ушел.

Посмотрела на часы. Уже два часа. Вряд ли Вадим будет так долго сидеть в пресс-центре. Куда он мог деться? Куда? И почему не работает его мобильный телефон? Возможно, кто-то видел, как она передавала Вадиму магнитофон? От обиды она готова была расплакаться. Без магнитофонной записи нет материала, нет доказательств, и ее поведение перед зданием парламента выглядело обычным хулиганством. Она вспомнила про бабушку. Бросилась к телефону. Если они смогли так быстро узнать, где она работает, то наверняка узнали и ее адрес. Она должна была подумать об этом раньше.

Схватив трубку, она, к своему ужасу, поняла, что лимит ее телефонного жетона исчерпан. Римма бросилась к газетному киоску. В первом жетонов не оказалось. Во втором ей удалось купить новый жетон. Но телефон-автомат был уже занят. Какая-то бойкая девица болтала со своим приятелем, не обращая внимания на мрачное лицо Риммы, то и дело заглядывавшей через стекло. Наконец, не выдержав, Римма попросила:

– Заканчивай скорее.

– Отцепись, – огрызнулась девица. Пришлось идти к другому телефону. Но он не работал. С третьего, находившегося на другой стороне улицы, ей наконец удалось дозвониться домой. Первый звонок, второй, третий, четвертый. Бабушка долго не поднимала трубку, заставив Римму замереть от ужаса. Пятый звонок, шестой, седьмой... Она стояла, считая звонки. Бабушка всегда держала телефон рядом с собой. Господи, только бы с ней ничего не случилось, молила Римма. Восьмой, девятый. Она уже не сомневалась, что произошло что-то страшное. Десятый, одиннадцатый. На глазах у Риммы выступили слезы. Двенадцатый, тринадцатый... Бабушка не могла так долго не брать трубку. Даже если она дремала, то громкий звонок телефона должна была слышать. Даже если спала. Четырнадцатый, пятнадцатый...

На другой стороне улицы появилась Света. Римма, увидев ее, дождалась шестнадцатого звонка – и положила трубку. Вытирая слезы, она вышла из автомата.

ГЛАВА 5

Ему всегда было интересно общаться с журналистами – представителями неординарной профессии, которые отчасти напоминали частных детективов. Те же расследования, тщательный отбор необходимых фактов из массы не представляющих для них интереса, умение находить верный тон с собеседниками, располагая их к откровенности, и, наконец, как результат расследования – газетная статья со своими выводами, которые могли либо обличить виноватого, либо опозорить невинного.

Коллектив любой крупной газеты напоминал ему нечто среднее между полицейским участком, сумасшедшим домом и вокзалом, с которого каждую минуту неожиданно, без объявления, мог отойти любой поезд. Они договорились встретиться с главным редактором газеты перед зданием редакции. Сорокин уже ждал его, нетерпеливо поглядывая на часы.

– Кажется, я опоздал, – взглянул на часы Дронго.

– Почти вовремя, – уточнил Сорокин, – просто я приехал гораздо раньше. Ждал вас в своем кабинете.

– Напрасно, – с сожалением заметил Дронго, – теперь ваши сотрудники будут знать, что вы спускались вниз, чтобы встретить обычного сотрудника зарубежной радиокompании. В результате интерес ко мне возрастет, а нам с вами это не нужно. Они замкнутся передо мной.

– Я на это посмотрел несколько иначе, – возразил Сорокин. – Если станет известно, что я специально спустился вниз, чтобы встретить вас, значит, априори уважать вас будут чуточку больше, чем обычного посетителя. Если я оказываю вам «особое покровительство», то никто не захочет портить отношения прежде всего со мной.

– Логично, – засмеялся Дронго, – очевидно, в вашей редакции выстроена строгая иерархия.

– Иначе нельзя, – вздохнул Сорокин, – развоят газету. Думаете, нам легко сохранять такой тираж?

В коридоре, куда они поднялись на лифте, курили два молодых сотрудника. Увидев Главного, появившегося вместе с незнакомым человеком, оба потушили сигареты и ускользнули в соседний кабинет. Сорокин покачал головой и нарочито громко сказал: «Ох уж эти курильщики».

Секретарь Главного, сидевшая за столиком в приемной, при появлении шефа почтительно встала, как бы ожидая указаний. Дронго обратил внимание на ее красивые ноги, которые она не особенно скрывала под мини-юбкой, очень короткой даже по московским меркам. Блондинка, девица лет двадцати, улыбнулась Сорокину и без интереса посмотрела на Дронго, как на одного из ежедневных просителей, осаждавших кабинет шефа.

Сорокин попросил вызвать какого-то Кобытина и, пропустив гостя вперед, вошел в кабинет, просторную, очень светлую комнату, обставленную не без канцелярских излишеств. Открыв массивный сейф, он достал из него три пачки крупных купюр и протянул гостю.

– Здесь двадцать пять тысяч.

– Спасибо. – Дронго положил их во внутренний карман пиджака. Он никогда не считал деньги.

Главный редактор, как бы забыв тут же о денежном вопросе, спросил:

– Вызывать людей сюда или хотите беседовать наедине?

– Только в вашем присутствии. Иначе они решат, что я следователь прокуратуры, и вообще не захотят ничего рассказывать. А еще лучше – вызовите кого-нибудь из заместителей и поручите меня его заботам.

– Я уже вызвал, – кивнул Сорокин. – Кобытин Савелий Александрович, наш ответственный секретарь, неплохо знал Звонарева. Он, собственно, и привел его к нам. Если захотите,

сначала побеседуете с ним, а уже потом с теми журналистами, которые вас заинтересуют. Он как раз один из тех двух журналистов, чьи фамилии я вам вчера отметил.

– У погибшего были друзья в редакции?

– Мы все были его друзьями. Но особенно близко он дружил с Олегом Точкиным.

– Это который пишет на криминальные темы?

– Вы неплохо знаете наших сотрудников, – удивился Сорокин.

– Иногда читаю их статьи, – признался Дронго. – Да, по-моему, «Московский фаталист» читает вся Москва.

– Раньше у нас был огромный тираж, – признался Сорокин, – сейчас он немного упал. Но это общий спад, и мы тут ничего не можем сделать. Хотя пока неплохо держимся.

– Разрешите, – в кабинет вошел человек лет сорока в больших роговых очках. Редкие волосы тщательно маскировали уже весьма заметную лысину. Одетый в темно-синюю рубашку в клетку и серые брюки, он больше был похож на банковского клерка или бухгалтера, чем на журналиста.

– Входи, входи, – пригласил его Сорокин. – Вот, Савелий Александрович, это журналист из английской радиокompании. Мистер... – он замялся, вспомнив, что не согласовал фамилию с ее «обладателем».

– Дино Корти, – нашелся Дронго, назвав первую пришедшую ему на ум итальянскую фамилию. В Европе ему часто говорили, что он похож на итальянца, а в гостиницах или в ресторанах, где он оставлял чаевые, его обычно благодарили по-итальянски.

– Господин Корти живет в Италии, – начал Сорокин, – он хочет встретиться и поговорить с нашими ребятами насчет погибшего Славы Звонарева. Они собираются делать о нем репортаж.

– У нас же никто не говорит по-итальянски, – удивился Корытин, – если по-английски, то тогда – да.

– Я говорю по-русски, – улыбнулся Дронго, изобразив мягкий акцент.

– Тогда проблем нет, – кивнул Корытин, – идемте ко мне, мы все обсудим.

Дронго поднялся, кивая на прощание Сорокину. В отличие от кабинета Главного, где царил полный порядок и присутствовал некий шарм, небольшой кабинет «рабочей лошади» редакции являл собой пример полного творческого беспорядка.

– Садитесь, – и хозяин показал гостю на один из трех стульев, свободных от бумаг и подшивок. Дронго сел, с любопытством оглядываясь.

– Вы работаете в России? – спросил его хозяин кабинета.

– В последнее время да, – кивнул Дронго.

– А вы хорошо говорите по-русски, – заметил Корытин. – Что вас интересует конкретно? Хотите сделать материал о несладкой жизни российских журналистов?

– Нет. Мне интересен факт смерти одного Звонарева. Как он погиб, почему... О чем он писал, что думал, с кем общался. Мне нужно знать все о его жизни, не только о смерти.

– Понятно, – вздохнул Корытин, снимая очки. Достав из кармана носовой платок, он протер стекла и снова водрузил очки на нос. – Итак, задавайте вопросы.

– Его убили две недели назад. Мне важно знать, какие именно статьи писал Звонарев перед смертью, над чем работал, какие темы затрагивал. Мне интересен феномен его успехов. Он ведь сумел стать за очень короткое время довольно известным журналистом. наших слушателей будет интересовать, каким образом в России возникают звезды.

– Отмечу первое обстоятельство, – сказал Корытин, внимательно взглянув на собеседника, – все его разработки копились на персональном компьютере, которым вместе с ним пользовался и наш сотрудник Точкин. Но следователи прокуратуры переписали все файлы, решив проверить, чем точно занимался Слава. Они считают, что это может помочь в расследовании его убийства. Мы все еще не отошли после такого чудовищного преступления. За день до убий-

ства появилась его статья о коррупции среди судейских работников. Олег Точкин да и мы все убеждены в том, что его убили именно из-за этой статьи. Очевидно, кого-то очень обеспокоило появление такого материала в прессе. Но следователи прокуратуры и сотрудники ФСБ сейчас проверяют как раз именно эту версию.

– Я не следователь, – напомнил Дронго, – мне интересны его мысли, его рабочие наброски, формула его успеха. Чем он еще занимался, кроме разоблачения судейских чиновников?

– Он писал на различные темы. Мы подняли все его разработки, проверяем со своей стороны. Надеемся что-то прояснить. Но пока ничего конкретного...

– У него была любимая девушка?

– Была, конечно. Но лучше с ней вообще не встречаться. Она в таком шоке, еще не отошла от потери. Лезть к ней с вопросами было бы жестоко.

– Это я понял. А кроме Точкина, у погибшего были близкие друзья в газете?

Корытин еще раз протер стекла своих очков и снова после недолгого молчания осторожно сказал:

– Мы все были его друзьями. У нас вообще очень дружный коллектив.

– Послушайте, Савелий Александрович, – разозлился Дронго, – насколько я понял, Сорокин попросил вас помочь мне в подготовке моей работы. А вместо этого вы говорите со мной так, словно я следователь, а вы подозреваемый в убийстве.

– Откуда мне знать, кто вы такой? – огрызнулся Корытин. – Я ваши документы не смотрел.

– А вы хотите, чтобы я предъявил вам свои документы?

– Нет, не хочу. Но и верить вам я не обязан.

– В таком случае нам не о чем разговаривать, – привстал со своего стула Дронго, как бы собираясь уйти.

– Подождите, – остановил его Корытин и, в третий раз протерев свои массивные очки, негромко сказал: – Я не знаю, какой вы итальянский журналист и какую именно станцию представляете, но я узнавал для Павла Сергеевича об одном человеке, который может раскрыть любое преступление. Его звали...

– Достаточно, – сказал Дронго, – если вам что-то известно, лучше молчите. Чтобы не нервировать остальных. Вы ведь хорошо знали погибшего?

– Неплохо. Я сам привел его в нашу газету. Мне он показался тогда толковым парнем. Он совсем неплохо писал. Потом он был провинциалом, а эти ребята обычно обладают напором. Мы, москвичи, более чувствительные, мягкотелые. Плюс задор молодости. И видите, что получилось...

– Вы тоже считаете, что его убили из-за последней статьи?

– Не знаю, – честно признался Корытин, – но ведь никто не мог заранее знать, что статья выйдет именно в тот день. Мы готовили ее в номер в пожарном порядке. Малейший намек на угрозу, и я бы не поставил статью в номер. Мы всегда учитываем возможные последствия. Статья появилась за день до убийства. Вернее, газета вышла поздно вечером, а утром его убили. Потом у него дома нашли один экземпляр газеты, очевидно, он захватил его из типографии. Следователь считает, тут есть связь. На день убийства была назначена пресс-конференция у министра юстиции.

– Не думаю, – сказал Дронго, – скорее, это случайность.

– Почему вы так решили? – удивился Корытин. – Или вы уже что-то знаете?

– Нет, не знаю. Но могу сделать некоторые предварительные выводы – после разговора с вами и с вашим главным редактором. Звонарева убили на следующий день после того, как его статья о коррупции среди служителей Фемиды появилась в газете. Никаких угроз ранее не было. Во всяком случае, вы о них не знали. Но его убили именно на следующий день. А если

вспомнить, что вы вместе готовили статью и, как вы говорите, в «пожарном порядке» отсылали ее в набор, то о статье никто вообще не мог знать. Никто, кроме возможных убийц. Им нужна была статья, чтобы отвлечь внимание от настоящих заказчиков преступления. Если бы действительно кто-то из судей, упомянутых в статье, решил отомстить, то он нанял бы убийцу не в день выхода статьи, а за несколько дней до нее или через несколько дней после. Слишком явная связь, да и потом трудно найти убийцу всего за сутки. Ни один судья не смог бы так быстро прочитать материал, обидеться, найти наемного убийцу, узнать адрес Звонарева и послать к нему киллера. И все это за несколько часов. Учитывая плохую работу московской почты, когда не все газеты утром попадают по назначению, в это тем более трудно поверить. Многие читают газеты вечером, возвращаясь с работы, или на службе, куда доставляют почту после полудня. Но убийца ждал Звонарева в подъезде дома, когда он выходил из своей квартиры, отправляясь на работу. Судя по всему, убийство было заказное. Отсюда вывод – кто-то заранее решил, что Звонарева нужно убрать. И заранее заплатил деньги, послав к нему киллера.

– Вы это сейчас придумали? Или знали заранее, когда входили в мой кабинет? – спросил ошеломленный Корытин.

– Если скажу, что прямо сейчас, вы поверите?

– Нет.

– Тогда поверьте. Я действительно все продумал именно тогда, когда вы мне рассказывали о статье. Но я думаю, что сходный вывод сделают и сотрудники прокуратуры, которые решили изучить записи его компьютера, чтобы определить по наброскам, чем именно он занимался в последнее время.

– Они все стерли, – сказал Корытин, впервые за время разговора отводя глаза.

Дронго пристально взглянул на него и очень тихо спросил:

– Они стерли все? Или у вас есть копии? Может, что-то осталось?

– Некоторые, возможно, и остались, – нехотя признался Корытин, – но я ничего не могу сказать определенно.

– Вы же умный человек, Савелий Александрович. Раз вы смогли так быстро меня вычислить, то обязаны понять, что и другие сотрудники газеты не поверят в мою итальянскую версию. Поэтому мне нужна правда. Только правда, господин Корытин. В конце концов вы помогаете мне найти настоящих убийц вашего товарища. Или вы не хотите, чтобы я их нашел?

Корытин снова отвернулся. Дронго видел, что он колеблется, и терпеливо ждал, когда журналист примет решение. Наконец тот вздохнул.

– Вообще-то Точкин продублировал всю информацию, – признался Корытин, – но мы, конечно, об этом никому не сообщали.

– Вы можете разрешить мне ознакомиться с ней?

– Конечно, нет. Если узнают следователи, у нас будут очень большие неприятности.

– Во-первых, они не узнают, а во-вторых, я не смогу сделать «нормальный репортаж». Вы меня понимаете.

– «Нормальный репортаж», – повторил Корытин, – вы думаете, вам удастся что-нибудь сделать? Я давно не верю в великих сыщиков. Такие сказки мы читаем только в детстве.

– А если я пришел к вам из вашего детства... Оставим бесполезную дискуссию на следующий, менее трагический, случай. Скажите, где именно я могу ознакомиться с информацией из компьютера погибшего Звонарева? Вы должны понять, что мною движет не любопытство.

– У Точкина есть ноутбук, куда списана вся информация, – выдавил наконец Корытин, – но об этом никто не знает.

– Найдите его и позовите сюда. Только, ради бога, ничего не говорите ему заранее, иначе вы все сорвете.

– Вы ставите нас в трудное положение, – пробормотал Корытин.

– Ваш бывший сотрудник Звонарев лежит сейчас в гробу. Его лишили жизни. Неужели вам не стыдно, Савелий Александрович? Или вы хотите оставить убийц безнаказанными?

– Я позову Точкина, – угрюмо буркнул Корытин. – Но будете договариваться с ним сами, без моего участия.

– Зовите, – согласился Дронго, закрывая глаза. – И не забудьте ему объяснить, что все материалы нужны мне для поиска убийц вашего друга.

Корытин вздрогнул. Потом протянул руку к телефонному аппарату, словно решаясь на нечто страшное...

ГЛАВА 6

Света смотрела на нее, ничего не понимая. Потянув ее за руку, Римма отошла к телефону.

– У тебя есть телефонный жетон? – спросила она.

– Что все-таки происходит? – Света с испугом смотрела на подругу. – На тебе лица нет.

– Жетон у тебя есть?

– Да, кажется, есть. Сейчас поищу, – Света принялась копаться в сумочке. Римма переминалась с ноги на ногу, чувствуя, что в любую секунду может разрыдаться.

– Вот, – наконец сказала Света, протягивая драгоценный жетон.

Римма бросилась к телефону. Ее собралась опередить какая-то толстуха, нагруженная свертками, но Римма бесцеремонно оттолкнула ее, первой проскользнув к телефону. Вслед ей понеслось громкое «хамка», но она уже набирала телефон бабушки. Опять длинные гудки, никто не подходил к телефону. Отчаявшись, она уже собиралась положить трубку, чтобы позвонить соседке и попросить ее навестить бабушку, когда трубку сняли и знакомый голос произнес:

– Вас слушают.

– Бабушка, родная! – воскликнула Римма. Она никогда еще не радовалась так голосу близкого человека. – Как у тебя дела? Почему ты так долго не подходила к телефону?

– Я к соседке выходила, – призналась бабушка, – у нее кошка разродилась. Представляешь, пятеро котят. И все такие миленькие. Они...

– Представляю, представляю, – перебила ее Римма. – Послушай, бабуля, меня никто не спрашивал?

– Кто-то звонил, спрашивал, но не назвался.

– Послушай меня внимательно. Сейчас ты закроешь дверь и никому не будешь открывать. Ты меня поняла? Ни одному человеку. Даже если придут и скажут, что от меня. Даже если скажут, что мне нужна помощь. Ни в коем случае не открывай дверь. Я тебя очень прошу – не открывай никому дверь. Хорошо?

– Что случилось? – испуганно спросила бабушка. – У тебя неприятности?

– Потом объясню. Не выходи к соседке, вообще не открывай дверь, даже если принесут срочную телеграмму от мамы и папы. Не открывай никому дверь, это очень серьезно. Да, если меня будут спрашивать, скажешь, что меня сегодня вообще не будет. Только узнавай, кто звонит.

– Как это не будет? – ахнула бабушка. – О чем ты говоришь? Как это тебя не будет? Где ты находишься? У тебя неприятности? Риммочка, скажи мне правду.

– Все хорошо, все прекрасно. Только мне нужно задержаться в одном месте. Бабушка, умоляю, закрой дверь на все замки и никому не открывай. Хлеб я вчера купила, суп на газовой плите. Никуда не выходи. Ты поняла?

– Хорошо, хорошо. Я все поняла. А когда ты позвонишь?

– Через два-три часа позвоню. Ты не волнуйся, со мной все хорошо.

– Римма, ты должна мне сказать правду. У тебя что-то случилось?

– Приеду и сама все расскажу. Ну пока, бабуля, целую, – она положила трубку и облегченно вздохнула. Глаза у Светы стали совсем круглыми.

– Значит, у тебя есть ребенок, – сказала она загробным голосом. – И ты скрывала его от нас.

– Господи, только этого мне не хватало, – тряхнула головой Римма. – Ты же меня знаешь как облупленную. Откуда у меня ребенок? Когда бы я успела? Чтобы родить, нужно для начала девять месяцев вынашивать его в животе. Ты видела меня беременной? Ну зачем ты веришь в разные глупости?

– А почему ты говоришь бабушке, чтобы она закрыла дверь и никому не открывала? – разозлилась Света. – Совсем за дуру меня держишь. Выкладывай, что у тебя случилось, или я сейчас уйду.

– Пойдем, я тебе что-то покажу. – Римма взяла ее за руку и повела по направлению к редакции. Знакомая «Волга» все еще стояла у здания. Она была видна издали.

– Куда мы идем? – не поняла Света.

– Сейчас все объясню, – подтолкнула Римма подругу под локоть. – Видишь машину?

– Какую машину? Там стоит джип. Зеленого цвета.

– Нет, нет, рядом.

– Ну вижу, обычная «Волга».

– Не обычная, – возразила Римма. – Пошли в кафе, и я тебе все расскажу. Только осторожнее. Не размахивай руками. Они могут нас заметить.

Через несколько минут они уже сидели за столиком в кафе, и Римма подробно излагала потрясенной подруге все события сегодняшнего дня. Света молчала, ничего не переспрашивала, так захватила ее эта история.

– Нужно идти срочно в милицию, – убежденно сказала Света, когда подруга закончила свой рассказ. – Или сразу в ФСБ. Нужно поставить их в известность, пусть принимают меры.

– Что рассказать? – спросила Римма. – Мне скажут, что я все выдумала, чтобы замять скандал с депутатом, которого я ударила. Мне никто не поверит. Они решат, что я все придумала, чтобы выкрутиться.

– Зачем ты его ударила? Нужно было ему объяснить.

– Ага, объяснить, – протянула Римма, – когда пистолет тебе в бок тычат и ведут к машине, чтобы убить. Что тогда объяснять? Да меня бы застрелили на месте. Единственное, что я могла придумать в тот момент, это наброситься на депутата, чтобы убийца от меня отстал. Иначе меня бы посадили в эту «Волгу», увезли бы куда-нибудь подальше и выбросили в кусты. Вы бы никогда меня и не нашли.

– Верно, – уныло согласилась Света. – А ты запомнила в лицо того, ну, который приказывал?

– Конечно, нет. Я видела только его обувь. И брюки. Но у меня есть магнитофонная запись. Если я найду Кокшенова, то смогу доказать, что говорю правду.

– А другого? – лихорадочно облизывая губы, спрашивала Света, которой передалось возбуждение подруги. – Ты ведь сказала, что запомнила его в лицо?

– Ну и что? Что я смогу доказать? Что он хотел меня похитить? Никто не видел, никто и не поверит. Если даже ты поверила в эту чушь про ребенка, то что говорить про остальных? Нужна запись. Если смогу быстро найти Вадима, то передам ее в ФСБ, а там пусть разбираются, кого и зачем готовят эти двое и что именно они замыслили.

– Поэтому ты искала телефон Вадима, – догадалась Света.

– Слава богу, поняла! Мне нужно найти Вадима, взять у него свой магнитофон и отнести его в ФСБ. Тогда мне поверят. Но не раньше. Поэтому я попросила бабушку закрыть дверь и никому не открывать. Моя цель – побыстрее найти Вадима.

– Молодец, Римма, – одобрительно сказала Света. – Ты у нас просто героиня. Такой «фитиль» получится, просто шик. Я все расскажу Главному.

– Нет, – быстро возразила Римма. – Пока рано. Пока я не нашла пленки. А вдруг она исчезла? Вдруг кто-нибудь видел, как я передаю ее Кокшенову? Ведь не случайно у него отключен мобильный телефон.

Света ошеломленно уставилась на подругу.

– Ты чего, Римма? – тихо спросила она. – Думаешь, они его...

– Ничего не думаю. Просто говорю, что у меня пока нет доказательств. А без пленки мне никто не поверит.

– Что думаешь делать?

– Ждать. Ждать, пока не найду Вадима. Мне нужно где-нибудь от них спрятаться и звонить Вадиму. Как только он будет дома, я поеду к нему. Вот и все. Мне нужно несколько часов где-то продержаться. Деньги у меня есть, главное, чтобы они меня не нашли.

– Давай ко мне, – обрадовалась Света. – Мамы дома нет. Она уехала к сестре в Нижний Новгород. От меня и будешь дозваниваться Вадиму. А я пока посижу на работе, мало ли кто тебя будет спрашивать.

– Давай ключи, – кивнула, соглашаясь с подругой, Римма, – только никому ни слова.

Свете было за тридцать. Это была миловидная женщина с тяжелой копной светло-каштановых волос. На ее круглом лице застыло выражение удивления, делавшее ее похожей на подростка. Женщины ее возраста, не сумевшие устроить свою судьбу, обычно становятся раздражительными именно после тридцати, когда шансы на личное счастье стремительно тают, а возможность остаться одной растет в геометрической прогрессии. Но даже среди таких неустроенных женщин есть оптимистки, находящие свою жизнь не такой уж страшной, и они продолжают верить в свою счастливую судьбу. Именно такой женщиной и была Света. В ее жизни, правда, случились два романа, не кончившиеся браком, они укрепили ее во мнении, что среди мужчин порядочных людей мало, и настоящий мужчина в жизни женщины – это почти счастливый лотерейный билет, который редко кому выпадает. В натуре женщин-оптимисток природой заложено доброжелательство, они внимательны к своим подругам, словно возмещают дружбой избыток ласки, не растроченной на мужа или любовника.

Все случившееся с Ритой она восприняла как свою личную беду, с такой готовностью отдала ей ключи и согласилась помогать в столь неординарной ситуации.

– Только никому ни слова, – еще раз предупредила на прощание Римма. – У вас есть код на подъезде?

– Есть. СК триста двадцать пять. Запомнишь или записать?

– Не нужно, запомню. Только ты сиди на нашем телефоне, вдруг что-нибудь случится, я тогда позвоню. Итак, никому и ничего, – еще раз напомнила Римма, расплачиваясь за кофе.

Они вышли на улицу. Римма кивнула в сторону «Волги» у редакции.

– Пройди мимо них спокойно. Не оборачивайся. И сразу иди в кабинет. Там тебя никто не тронет. Я думаю, Вадим скоро объявится. После этого я сразу же отправлюсь в ФСБ. Будь на месте.

– Конечно, – кивнула Света. – А ты будь осторожнее. Вдруг они действительно знают, что ты отдала магнитофон Вадиму. Ты к нему не езжай, пусть он сам к нам приедет. Ты же видела, у меня в квартире двери железные, ни один вор не сможет сломать. А если вздумают, ты милицию вызывай. Да и соседи у нас все хорошие, сразу сообщат куда нужно. Сиди у меня и жди пленку. И с ней не советую самой ездить, лучше позвони на «ноль два», пусть они приедут за тобой. Сама никуда не езжай, здоровее будешь, – пошутила на прощание Света.

– Не бойся, я собиралась именно так и сделать, – кивнула Римма. – Спасибо тебе, Света. Пока, жди звонка. Такси! – закричала она проходившей мимо машине и, уже подбегая к затормозившему желтому «Москвичу», крикнула на прощание: – Спасибо тебе!

Света кивнула с чувством исполненного долга, гордясь возложенной на нее миссией. Взглянув на видневшуюся впереди «Волгу», она с независимым видом направилась к редакции.

Проходя мимо машины, она внутренне сжалась, словно опасаясь, что сидевшие в автомобиле мужчины могут наброситься на нее. Но все же рискнула повернуть голову и взглянуть на опасных незнакомцев. Внешне они не вызывали того ужаса, который внушила ей своим рассказом Римма. Света подумала, что подруга могла немного преувеличить, опасаясь быть разоблаченной. Возможно, эти люди ждали Римму для объяснений, а совсем не для того, чтобы, затолкав в багажник, вывезти за город и расстрелять.

В редакции и вовсе все показалось таким естественным и привычным, что она успокоилась окончательно. Света села за свой стол и глубоко вздохнула. Все же как можно помочь Римме? Ничего в голову не приходило. От безделья она начала перебирать лежавшие на столе материалы. Через двадцать минут раздался звонок Риммы.

– Я уже добралась, – сообщила подруга, – иду по всему городу Вадима. Как только найду, сразу перезвоню.

– Жду, – сказала Света, и в этот момент ее позвали по селектору к Главному. Она вспомнила, что должна показать ему материалы, подготовленные для номера, взяла папку со стола и отправилась в кабинет редактора.

Их Главный чудом уцелел в девяностые годы на своем посту, когда общее поветрие начавшихся перемен выбрасывало из своих кабинетов людей куда более известных в журналистике. Николай Николаевич Глебов пришел в газету из партийных органов, с должности заместителя заведующего отделом Московского горкома партии. Тогда это было не очень большое повышение. Можно было даже говорить о провале карьеры, если бы не протекция всесильного первого секретаря горкома.

Именно благодаря ему Глебову удалось получить прекрасный особнячок в самом центре города, где два этажа принадлежали редакции. Когда после августа девяносто первого года все редакции лишились партийных дотаций, их газета попала в очень тяжелое положение, но Глебову тогда повезло. На него вышел бывший коллега по горкому партии, работавший у него инструктором, а теперь возглавивший большую посредническую нефтяную фирму, который предложил Глебову снять у него на десять лет еще два этажа дома с обязательством платить небольшую арендную плату.

Первое время дела шли не очень хорошо, но потом газете удалось устояться, укрепиться, найти своего читателя, и бывший партийный функционер Глебов стал заядлым перестройщиком, печатал острые статьи, не гнушался даже полупорнографических и откровенно порнографических фото и «желтеньких» статей, и его бульварный еженедельник стал достаточно популярным среди молодежи столицы.

Однако Глебов помнил, с каким трудом удержался в своем кресле, и никогда не позволял себе ссориться с властями или публиковать «опасные» материалы, задевающие «сильных мира сего». В отличие от «Московского фаталиста» он предпочитал занимать безопасную нишу и не вылезать из нее без необходимости.

Света вошла в кабинет, когда там уже сидел незнакомый мужчина. Сидел он спиной и даже не повернул головы, когда она вошла.

– Добрый день, – подчеркнуто сухо поздоровался шеф, – Светлана, вы не знаете, где в данный момент находится Кривцова?

– Н-нет, – с некоторой запинкой ответила Света, испугавшись неожиданного вопроса. – Не знаю, – повторила уже более уверенно.

– К нам приехал помощник депутата. Он хочет поговорить с нашей сотрудницей. Сегодня утром она безобразно вела себя у здания парламента. Ударил депутата по лицу, приставала к нему с разными непристойными обвинениями, кричала, что у нее есть от него ребенок. Разве у Кривцовой есть дети?

– Нет, – сразу ответила Света, – это все вранье. Она ничего такого не делала... – В этот момент незнакомец повернул голову, и Света с ужасом узнала в нем одного из сидевших в машине людей. Значит, это был помощник депутата.

– Откуда вы знаете, что она делала? – спросил незнакомец. – Вы разве с ней разговаривали? Или встречались?

У него было круглое лицо с чуть выступающим вперед подбородком. И светлые, кажется, голубые глазки, совсем не страшные. Света почувствовала, как краснеет. Она не умела врать

так нагло, в лицо. Эта ее привычка сказывалась и на отношениях с мужчинами. Когда нужно было соврать или даже промолчать, она начинала неудержимо краснеть.

– Действительно, – кивнул Глебов, – откуда вам все известно? Кстати, я вас не представил. Это редактор отдела культуры нашей газеты Светлана Рыженкова. А это помощник депутата Тетеринцева господин Бондаренко. Откуда, Света, вы все знаете? Вы разговаривали с Кривцовой? Где она сейчас находится? Вы не сказали ей, что мы ищем ее весь день?

– Я не знаю, – краснея еще больше, прошептала Света, – не знаю, где она сейчас находится. Но Римма порядочная девушка, она не могла такого сделать.

– Это мы с вами потом решим, что она могла, а чего не могла, – вконец рассердился Глебов. – Мне звонили уже из милиции, и вот сейчас приехал помощник депутата, а вы здесь рассказываете нам, какая она хорошая девочка. Пусть напишет объяснение, как только явится. Или вообще – пусть сразу зайдет ко мне.

– Она вам не звонила сегодня? – уточнил Бондаренко.

– Нет, – сказала Света, чувствуя, что оба понимают очевидность ее вранья. – Нет, – повторила она с вызовом.

– У нее есть мобильный телефон? – спросил гость.

– Она его обычно не носит. Оставила в редакции, – быстро ответила Света, радуясь, что наконец может сказать правду.

Помощник депутата испытующе посмотрел на нее. Он, очевидно, почувствовал, когда именно она ему вралла и когда говорила правду. Видимо, чувствовал это и Глебов. Поэтому, нахмурившись, он сказал:

– Я временно отстраняю Кривцову от обязанностей нашего парламентского корреспондента. Пусть напишет объяснение, и мы тогда разберемся, что там случилось. Найдите ее, и пусть срочно явится в редакцию.

– Хорошо, – испуганно сказала Света. Она уже повернулась, чтобы выйти, когда помощник депутата вдруг схватил ее за руку. И от этого прикосновения она вздрогнула, словно он собирался убить ее прямо в кабинете Главного.

– Скажите ей, что нам очень нужно поговорить, – улыбнулся Бондаренко. Вернее, показал свои зубы при этом, а глаза у него оставались бесстрастными и холодными.

– Да, – кивнула Света, освобождаясь от его хватки, – да, конечно.

Высочив из кабинета Главного, она добежала до своей комнаты, схватила телефон и, набрав номер, закричала в трубку:

– Они уже здесь, Римма. Ищут тебя повсюду. Главный ругается, просит, чтобы ты написала объяснительную.

– Ты ему сказала, где я нахожусь?

– Нет, конечно. Но он распорядился отстранить тебя от работы в парламенте за твое поведение. Теперь уже говорят, что ты приставала к нему. В общем, все валят на тебя.

– Ничего, разберемся. Ты потом зайди к Ник-Нiku и объясни все толком. Только не говори, где я нахожусь. Поняла?

– Конечно. Он хочет твоего объяснения, но я ему все скажу.

– Света, – сказал кто-то из девушек за ее спиной, – к тебе пришли.

– Потом, – отмахнулась Света, – короче, ты быстрее ищи Вадима. И сразу позвони мне, как только найдешь его и заберешь пленку.

Положив трубку, она повернула голову и с ужасом увидела за спиной того человека, с которым только что разговаривала в кабинете Главного. Света попятилась к стене, чувствуя, что ей не хватает воздуха.

– Вы, кажется, говорили с Кривцовой, – холодно произнес он. – Не позвоните ли вы ей еще раз?

ГЛАВА 7

Точкин вошел в кабинет почти сразу же после вызова Корытина. Невысокого роста, худой, стремительный, с цепким взглядом – в нем ощущалась энергия, присущая очень деятельной натуре. Войдя в кабинет, он коротко кивнул Дронго и вопросительно посмотрел на ответсека.

– Это наш сотрудник, Олег Точкин, – представил его Корытин. – А это господин Конти, сотрудник английской радиокompании. Он делает передачу о гибели Славы Звонарева.

– Давно пора, – буркнул Точкин, – а то все делают вид, что ничего не случилось.

– Ты не горячись, – строго заметил Корытин. – Давай спокойно и объективно. Господин Конти хочет с тобой поговорить.

– О чем? – удивился Точкин.

– О последних статьях Звонарева, о его замыслах. В общем – обо всем. И о его компьютере. Об информации, которую переписали следователи прокуратуры

– Не понимаю, – у Точкина стало злое и непроницаемое лицо, – о какой информации вы говорите, Савелий Александрович? Вы что-то перепутали.

– Ничего я не перепутал. Господин Конти собирается подготовить специальный репортаж об убийстве Звонарева. Специальный, ты меня понимаешь?

– Ничего не понимаю, – разозлился Точкин. – И ничего у меня нет, никакой информации. Я лучше пойду, а вы тут говорите без меня.

Он вскочил, собираясь выйти из комнаты, когда Дронго, достав бумагу, вдруг прочел:

– Корытин Савелий Александрович и Олег Точкин, два сотрудника газеты, которые знают о том, что Сорокин ищет специального эксперта для проведения независимого расследования по факту убийства Звонарева. Вы, кажется, и есть Точкин?

Олег остановился. Минуту он смотрел на сидевшего перед ним человека. Потом шумно вздохнул:

– Вы Дронго?!

– Я имею отношение к этой проблеме, – уклонился тот от прямого ответа. – Во всяком случае, меня просил приехать сюда Павел Сергеевич. Вы все поняли?

– Так бы сразу и сказали, – Точкин шумно вздохнул и плюхнулся на стул. – Только больше никому не говорите, что вы эксперт, иначе вся редакция будет знать о независимом расследовании.

– Сорокин заверил меня, что только вы двое и будете знать о моем появлении в газете. От вас я не стал скрывать, зачем мне нужна ваша информация.

– Приступим, – заявил Точкин, – у меня все записано. Я успел переписать все данные. Если хотите, можете забрать мой ноутбук.

– Спасибо. Обязательно возьму перед уходом. А пока побеседуем. Как вы думаете, последняя статья Звонарева могла послужить причиной его убийства?

– Не знаю. Раньше был убежден, что могла. А сейчас не знаю. У Славы не было врагов, он был очень порядочным человеком. Свои интервью всегда согласовывал и не менял в них ни слова после того, как его визировал собеседник, никогда не передергивал факты. Знаете, есть журналисты, которые стремятся сделать карьеру любой ценой, не гнушаясь ничем. У Славы был некий профессиональный кодекс чести. Даже люди, о которых он высказывался не очень хорошо, признавали за ним эти качества. Два героя его последней статьи уже пострадали. Одному выразили недоверие, второго тоже ждут неприятности. Но дирижировали ли они убийством Звонарева – не знаю. И вообще мне трудно представить причины убийства. Две недели назад я еще был убежден, что это из-за его последней статьи. Теперь не убежден. У меня нет ответа на этот вопрос.

– Вы с ним дружили?

– Да. Он собирался жениться. У него была чудная девушка. Он собирался сделать ей предложение.

– А на почве ревности? Не было ли у него ревнивого соперника?

– Нет, конечно, – печально улыбнулся Точкин. – Они очень чисто любили друг друга.

– Может быть, у него были недоброжелатели? Он ничего подобного не говорил вам в последние дни? Или угрозы в его адрес?

– Ничего. Следователь меня об этом спрашивал. Нет, никаких угроз не было. Честно говоря, мы до сих пор в шоке. Почему Слава? Если кто-то хотел расквитаться с журналистом, который часто выступает на криминальные темы, то, откровенно говоря, у нас есть сотрудники, которые связаны с этой тематикой более длительное время, на их счету материалы, где затрагиваются очень известные люди. Но убили именно Славу.

– Вы ведь тоже пишете в основном на криминальные темы?

– Да, это мое амплуа.

– И как вы оцениваете это убийство? Не как друг Звонарева, а как профессиональный журналист, занимающийся этими проблемами.

– Типичное заказное убийство, – пробормотал Точкин, – убийца ждал его в подъезде дома, ждал, когда он спустится вниз. Даже деньги не взял. Это не ограбление, а самое типичное заказное убийство. К сожалению, процент раскрываемости таких убийств самый маленький в стране.

– Он невелик во всем мире, – согласился Дронго, – поэтому я не иду к следователю, чтобы узнать подробности о найденных на месте преступления гильзах, не жду возможных свидетельских показаний. Тут все ясно. Убийца давно выбросил свой пистолет, и найти его достаточно проблематично.

– Убийцу или пистолет? – уточнил Корытин.

– И того и другое, – невозмутимо ответил Дронго. – Но на убийцу можно выйти, если удастся понять, кому именно понадобилось убрать Звонарева. Поэтому мне нужны все записи, черновики и все статьи, которые он готовил за полгода до гибели.

– Я принесу вам их, – кивнул Точкин.

– У него были какие-нибудь контакты в последнее время с криминальными или подозрительными элементами? Иногда у журналистов бывают информаторы из числа таких типов.

– Возможно, только он об этом никому не рассказывал. У каждого есть свои информаторы, но мы не обнародуем их имена, чтобы не подставлять людей. У Славы тоже были свои информаторы. Но он никогда про них не говорил.

– Даже вам?

– Даже мне, – кивнул Точкин, – и правильно делал. Разве можно рассказывать о людях, которые помогают тебе в работе? Это как в милиции – каждый опер бережет своих агентов.

– Про милицию поговорим в следующий раз, – заметил Дронго, – меня все же интересует круг информаторов Звонарева. Неужели вы никого из них не знали, ни о ком не слышали?

– Некоторых знал. Профессия у нас такая: ни одной статьи не подготовишь, встречаясь с одним человеком. Тут пять, шесть, восемь человек нужно – иначе нельзя составить полное впечатление. А тем более – объективное.

– Мне о Звонареве нужно знать как можно больше. Какой он был человек, что любил, как вел себя в разных ситуациях, как реагировал на несправедливость. Он был равнодушным, эмоциональным, сдержанным? Каким?

– Его главное качество – наблюдательность, – подумав, ответил Точкин. – У него было своеобразное умение примечать детали. Как у хорошего следователя. Если многие из нас видели проблему в целом, то он замечал такие детали, на которые другие не обращали внимания. Эмоциональным он не был, нет, скорее сдержанным. Но и равнодушным его нельзя

назвать. Умел веселиться, радоваться, грустить. Мы готовили материал о детях, попрошайничающих на улице, и я видел, как он переживал это. Но старался не показывать. Даже с Валею особенно много не говорил. Во всяком случае, мне так казалось. Конечно, он гордился своими успехами, но радовался им как-то сдержанно, внутри, не стараясь особенно выказывать свои чувства.

– Он любил выпить?

– Нет. Иногда, после работы, в хорошей компании выпивал, но весьма умеренно. Всегда себя контролировал. Умел держаться.

– У него были враги в редакции?

– Вы думаете – его убил кто-то из наших? – даже улыбнулся Точкин.

– Я пока только спрашиваю, – терпеливо уточнил Дронго.

– Нет, думаю, нет. Не всем, конечно, нравилась его растущая популярность. Среди журналистов тоже есть конкуренция. Но чтобы из-за этого убивать... Нет, врагов у него не было. Все его любили.

– За исключением Виолы, – напомнил Корытин.

– Какой Виолы? – сразу насторожился Дронго.

– Секретарь Главного, – нехотя ответил Точкин. Было видно, что ему неприятно говорить на эту тему. – Она раньше встречалась со Славой, а потом он переключился на Валию. Виола считала, что он сделал это из-за ее отца, а девушку не любил. Ну, все как обычно. Когда парень бросает одну, она начинает сочинять гадости про другую.

– Я, кажется, видел ее в приемной, – кивнул Дронго, – очень эффектная блондинка.

– Весьма, – кивнул Корытин. Точкин пожал плечами, предпочитая не спорить.

– Она вам не нравится, – понял Дронго.

– Она не нравилась Славе. А из-за этого у нее испортились отношения и со мной. Виола знала, что мы дружим. В общем, она считала, что это я познакомил Славу с Валентиной, хотя на самом деле все было не так. Но разве можно что-либо доказать? У Виолы отца нет, она живет с матерью в обычной «хрущевке». А у Валии отец известный художник, четырехкомнатная квартира на Тверской. Я не думаю, что Слава предпочел из-за этого Валию. Конечно, нет. Но ему, наверное, было приятно, что дочь такого человека обратила на него внимание. Виола же обычная девушка. Симпатичная, красивая, толковая, но и только. А Валя интеллектуалка, ходила на все выставки, вернисажи, всякие богемные тусовки. Она очень много сделала для «просвещения» Славы, и ему, видимо, все было интересно, весь круг знакомых Валии. И отец тут ни при чем. Просто ему было интереснее с ней, я так думаю.

Дронго отметил скептическое выражение на лице Корытина, но не стал развивать дальше эту тему. Он задал совсем другой вопрос:

– У него были долги?

– Кажется, да, – ответил Точкин. – Но тоже не такие, чтобы из-за них убивать. Занял определенную сумму, чтобы купить квартиру. Очень комплексовал из-за того, что у него не было собственного жилья. Комплекс приезжего. И очень радовался, когда купил квартиру. Пригласил всю редакцию, мы все гуляли на новоселье.

– Он хорошо зарабатывал?

– Неплохо, – Точкин бросил быстрый взгляд на Корытина. И тот вмешался:

– Наши сотрудники получают неплохие гонорары, – заметил он, – мы стараемся адекватно оплачивать работу наших сотрудников.

– И, конечно, имеете неучтенные ведомости, с которых они не платят налогов, – добродушно заметил Дронго.

– Нет, – встрепенулся Корытин, отводя глаза, – вот это никогда!

По его реакции было ясно, что не все сотрудники газеты платят налоги с получаемых сумм, но это менее всего интересовало Дронго.

- У кого он занимал деньги?
- Вы все же думаете, что его убили из-за денег? – снова удивился Точкин. – Но там была не такая уж большая сумма...
- Вы не ответили на вопрос. У кого он занял деньги?
- Восемь тысяч у главного редактора, пять у нашего главбуха. Кажется, так, но точно я не знаю. По-моему, еще десять у кого-то, но точно не знаю. А главбуху деньги он уже вернул. Как раз перед самым убийством.
- А Сорокину остался должен?
- Да. Вообще-то Павел Сергеевич не дает денег взаймы, но на этот раз сделал исключение.
- У Звонарева сохранились записные книжки или какие-нибудь другие записи личного характера?
- Все забрал следователь. Они изъяли все Славины материалы. Мы даже не успели посмотреть, что именно они забрали.
- Понятно, – разочарованно протянул Дронго. – Когда вы сможете дать мне свой ноутбук?
- Вообще-то там у меня много личной информации. Если хотите, я перепишу все то, что касается Звонарева, на дискетки.
- Это долго. Там большой объем информации?
- Довольно большой. Несколько миллионов бит. Я занес в память на всякий случай.
- В таком случае лучше дайте мне ноутбук. Я бы не хотел работать с дискетками. Возможно, там нет ничего, что меня заинтересует. Судя по вашему лицу, вас не обрадовала такая перспектива. Сколько вам нужно времени, чтобы переписать всю информацию?
- Минут двадцать, двадцать пять. Я сделаю пять-шесть дискеток. Все, что хранилось в памяти. Если можно...
- Хорошо, – согласился Дронго. – Я подожду. Спасибо вам, Олег. И пожалуйста, никому не говорите о нашем разговоре.
- Ладно, – Точкин кивнул, поднимаясь со стула.
- И только после того как он вышел, Дронго спросил у Корытина:
- Думаете все же, что он предпочел свою девушку вашей сотруднице из-за ее отца?
- Я же вам говорил о напоре провинциалов, – заметил Корытин. – Конечно, ему нравилась Валя. Но не об этом речь. Он не был подлецом. Но был достаточно расчетлив. Понимал, что с Виолой у него нет такого будущего, как с дочерью известного художника. И он сделал выбор. Правильный в общем-то выбор, – уточнил Корытин.
- Вы его не любили? – вдруг спросил Дронго.
- Я привел его к нам в редакцию, – напомнил Корытин и, чуть подумав, сказал: – Просто я к нему относился достаточно трезво. Парню нужно было возвращать долги, пробиваться в Москве. Поэтому он и выбрал Валю. Кстати, я знаю, где он взял недостающие деньги. Случайно знаю. Он продал три картины отца Валентины иностранцам за пятнадцать тысяч. Пять он вернул отцу девушки, а десять стали его первым вкладом за квартиру. Кстати, он никого не обманывал. Он честно рассказал отцу девушки, что картины стоили пятнадцать. Но тот хотел только пять и не стал брать остальные десять. А может, сделал это намеренно, его устраивал такой зять, как Звонарев. Парень, поймите меня правильно, умел ориентироваться в нашей суе. Хотя, не скрою, меня это немного настораживало. В общем же я всегда к нему относился достаточно хорошо, это все могут подтвердить.
- Ясно, – Дронго посмотрел на часы. – Я могу поговорить с Виолой?
- Корытин поморщился.

– Может, не надо все же, – усомнился он, – это как-то жестоко. И потом она видела, как вы вышли вместе со мной, поймет, что информация исходит от меня. Мне было бы очень неловко потом с ней объясняться.

– Не беспокойтесь, я ничем не выдам вас. И к ней не буду очень лезть с личными вопросами. Но ведь у секретаря Главного все на виду.

– Кажется, да. Со всеми говорили. Но люди были в таком состоянии, что ничего связного сказать не могли. По-моему, вообще лучше не допрашивать людей сразу после убийства.

– Следователи придерживаются другого мнения, – возразил Дронго, – они полагают, что как раз лучше допрашивать сразу, по горячим следам.

– А вы как считаете?

– Иногда действительно лучше допрашивать свидетелей сразу, а иногда стоит дать им успокоиться. Все зависит от конкретного случая. Универсальных рецептов нет.

– Скажите честно, – вдруг спросил Корытин, – вы действительно думаете, что сумеете что-нибудь найти?

– Если бы я в это не верил, то не пришел бы к вам в редакцию, – ответил Дронго. – Я не могу гарантировать, что непременно найду убийцу. Это всегда достаточно проблематично в случаях с заказными убийствами. Но вычислить, кому именно нужна была смерть Звонарева, а также потенциального заказчика преступления я смогу. Во всяком случае попытаюсь это сделать.

ГЛАВА 8

Света замерла от ужаса, не зная, что сказать. А гость молча смотрел, как она беззвучно открывает рот, пытаясь что-то произнести. Очевидно, он вышел следом за ней из кабинета Николая Николаевича и слышал большую часть разговора. Теперь он сможет догадаться не только, где находится Римма, но и о том, что она передала что-то важное Вадиму. Светлана готова была разреваться от отчаяния.

– Так вы можете позвонить ей еще раз? – спросил помощник депутата. – Уверяю вас, мы не собираемся причинить ей никакого вреда. Мы даже попросим главного редактора не наказывать Кривцову. Нам нужно только поговорить. Вы можете ей позвонить?

Света, так и не решив, как ей выпутываться из этой ситуации, лишь отрицательно мотала головой. Бондаренко уже понял, что она в полной растерянности, и неожиданно улыбнулся.

– Зачем вы так нервничаете? Она вам что-то рассказала?

Сообразив наконец, что идиотским молчанием она вредит не только своей подруге, но и себе, Света наконец обрела дар речи.

– Нет, – сказала она, – она мне ничего не рассказывала. Она не успела мне ничего рассказать.

– Но вы с ней виделись? – не унимался гость. Все присутствующие при этой сцене смотрели на Свету и незнакомца, не понимая ни слова из диалога, который происходил между ними.

– Не виделись. И вообще я ничего не знаю. Уходите! – вдруг порывисто бросила Света, отворачиваясь к окну. Она поняла, что здесь, в этой комнате, на глазах у коллег, незнакомец ничего не сможет с ней сделать. Очевидно, он тоже это понял. И оценил ее решимость. Продолжать разговор было глупо. Но у него созрело другое решение, и он сделал шаг по направлению к Свете. Та, решив, что он все-таки хочет применить к ней силу, испуганно вскрикнув, отпрянула от стола. Но она не поняла, что его цель – телефон. Не самая последняя модель «Панасоника», но и этот аппарат был достаточно совершенен. На его табло высвечивался номер, куда вы собирались звонить или хотели позвонить еще раз. Бондаренко просчитал все гораздо быстрее, чем растерянная Света. Пока она испуганно смотрела на страшного гостя, он, резко оттолкнув ее от стола, нажал кнопку повторного вызова абонента. На экране высветился номер домашнего телефона Светы. Бондаренко посмотрел на номер, удовлетворенно кивнул головой и повернулся, чтобы выйти из комнаты.

– Стойте! – закричала Света. – Стойте! Задержите его! Он убийца! Они хотят убить Римму.

Все присутствующие в комнате с изумлением смотрели на Свету, а один из сотрудников, бывший боксер, бросился к выходу, преграждая путь незваному гостю.

– Погодите, – сказал он, вставая между дверью и незнакомцем. Тот вспыхнул, решив, очевидно, пробиваться силой, даже поднял руку. На помощь к журналисту уже спешило несколько товарищей. Поняв, что в одиночку ему не справиться, и не желая устраивать драку в редакции, помощник депутата опустил руки и вполне миролюбиво спросил:

– В чем дело, ребята? Что происходит?

– Наша коллега утверждает, что вы кого-то убили или хотите расправиться с нашей сотрудницей. Покажите ваши документы, – потребовал Светин защитник.

– Извольте, – и он достал из кармана удостоверение. – И вы позовите сюда Николая Николаевича. Он может засвидетельствовать мою личность.

Кто-то побежал за Главным. Света, услышав голос Риммы после кнопки вызова, быстро отключила аппарат, чтобы не давать незваному гостю еще один шанс. Вокруг него толпилось человек десять сотрудников, когда появился Глебов.

– Что происходит? – строго спросил он. – По какому поводу собрание?

– Этот тип уверяет, что вы его знаете, – сказал кто-то из журналистов.

– Знаю, – кивнул Глебов, – это помощник депутата Тетеринцева господин Бондаренко. Почему вы его задержали? В чем дело?

– Извините, – сказал «боксер», возвращая удостоверение Бондаренко и бросая на Свету кровавые взгляды.

– Они ищут Римму, – подбежала к Главному Света, – хотят ее убить. Они хотят заставить ее замолчать. Я вам все расскажу, я все знаю.

– У вас тут, очевидно, массовое помешательство, – взбесился Бондаренко. – Простите, я могу уйти или вы самоуправно арестовываете меня?

– Конечно, идите, – кивнул Глебов. – И извините нас за такой прием.

– Ничего, – улыбнулся Бондаренко, – мы люди привычные.

Он не успел дойти до лифта, как Света снова бросилась к телефону и, не обращая внимания на посыпавшиеся на нее со всех сторон вопросы, закричала в трубку:

– Это я, Света! Слышишь меня? Они знают, где ты находишься. Уходи немедленно. Ключи оставь соседям. Уходи быстрее.

– Откуда они узнали? – огорченно спросила Римма.

– Я не виновата. Он подлетел ко мне и прочел телефон на табло. Нажал на «повтор» и прочел на экране номер телефона. Уходи немедленно. Ты меня слышишь, Римма?

– Все поняла, я тебе позвоню, спасибо, – Римма бросила трубку.

Света опустила на стул и тихо заплакала. Глебов смотрел на нее, не понимая, что происходит.

– Ты можешь объяснить, что случилось? – спросил он.

– Все было не так, как вам рассказали, – всхлипывая, начала Света. – Все было совсем не так.

Вокруг толпились сотрудники.

– Успокойся, – Глебов протянул носовой платок. – Возьми, вытрись и идем со мной, расскажешь все по порядку. А вы, товарищи, работайте. Здесь не спектакль, не цирковое представление. У нас еще номер не готов. Разойдитесь по рабочим местам.

Ворча, люди начали расходиться. Света вытерла слезы и поплелась за Глебовым в кабинет. Николай Николаевич сразу же запер дверь на замок и сказал, обращаясь к молодой женщине:

– Теперь сядь рядом, успокойся и расскажи все по порядку. Только медленно и без слез, чтобы я все понял. Запомнила – медленно и спокойно.

Света кивнула, вытирая слезы, и начала рассказ.

Спустившись вниз и усевшись в машину, Бондаренко велел водителю уточнить, кому принадлежит номер 926-17-95. А сам тем временем привычно набрал номер по мобильному телефону.

– Она успела все рассказать своей подруге, – с досадой сказал он. – Но я узнал телефон квартиры, где она прячется. Сейчас мы уточняем адрес.

– Кому она успела все рассказать?

– Своей подруге. Сотруднице редакции. Та очень напугана, плачет, нервничает.

– Только этого не хватало, – разозлился абонент. – Узнайте срочно, где прячется Кривцова. И решите наконец все проблемы без моего участия.

– Решим, – пообещал Бондаренко, – но у нас, кажется, возникла еще одна проблема.

– Какая еще? И так проблем выше головы.

– Подруга говорила про какую-то пленку. Я думаю, что она специально спряталась, чтобы записать разговор, а потом шантажировать нас. Пленка спрятана у какого-то Вадима.

– Значит, нужно найти и пленку, и этого Вадима! И вообще постараться решить все это до вечера. Понял – до вечера. Не мне тебя учить, как это делается. Узнай, кто такой этот Вадим,

что у него за пленка, как попала к нему. Короче, подумай головой, прежде чем нас схватят за задницу.

– Понятно, – Бондаренко отключился и взглянул на водителя. – Узнал адрес?

– Узнал. Там проживает семья Рыженковых. Наверное, знакомые этой ненормальной.

– Какие, к черту, знакомые! – разозлился Бондаренко. – Это та самая дрянь, с которой я только что разговаривал. Наверное, дала ключи от своего дома подруге, чтобы та от нас спряталась. И предупредила, чтобы та не появлялась на работе. Не иначе, как засекла нас, дрянь. Адрес тебе дали?

– Да.

– Быстрее жми туда. Возможно, успеем перехватить. Рыженкова... Ну да, эта рева именно Рыженкова. Она и предупредила Кривцову.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.